

NEW YORK TIMES БЕСТСЕЛЛЕР

ИСЧЕЗНУВШАЯ

РОМАН

Писательница не устает изумлять и тревожить; она как будто держит перед нами зеркало, в котором отражается вся наша жизнь...
Очень своевременная, глубокая и эмоционально богатая книга.

San Francisco Chronicle

ГИЛЛИАН ФЛИНН

ДОЛГОЖДАННАЯ
ЭКРАНИЗАЦИЯ
ОТ СТУДИИ
ДВАДЦАТЫЙ ВЕК
ФОКС

LIVE FOX!
KIDZ-TV

ПОИСКИ ЭМИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

86°

Гиллиан Флинн

Исчезнувшая

«Азбука-Аттикус»

2013

Флинн Г.

Исчезнувшая / Г. Флинн — «Азбука-Аттикус», 2013

ISBN 978-5-389-06518-5

От автора – лауреата множества престижных литературных премий, чьи произведения опубликованы в 28 странах, на все книги писательницы приобретены права на экранизацию. Два года в топ-10 по всему миру! 10 000 восторженных откликов на Amazon.com! Абсолютная книжная сенсация последних лет! Все было готово для празднования пятилетнего юбилея супружеской жизни, когда вдруг необъяснимо пропал один из виновников торжества. Остались следы борьбы в доме, кровь, которую явно пытались стереть, – и цепочка «ключей» в игре под названием «охота за сокровищами»; красивая, умная и невероятно изобретательная жена ежегодно устраивала ее для своего обожаемого мужа. И похоже, что эти «ключи» – размещенные ею тут и там странные записки и не менее странные безделушки – дают единственный шанс пролить свет на судьбу исчезнувшей. Вот только не придется ли «охотнику» в процессе поиска раскрыть миру и пару-тройку собственных малосимпатичных тайн?

ISBN 978-5-389-06518-5

© Флинн Г., 2013

© Азбука-Аттикус, 2013

Содержание

Часть первая	5
Ник Данн	5
Эми Эллиот	10
Ник Данн	14
Эми Эллиот	21
Ник Данн	25
Эми Эллиот-Данн	30
Ник Данн	33
Эми Эллиот-Данн	41
Ник Данн	43
Эми Эллиот-Данн	49
Ник Данн	53
Эми Эллиот-Данн	62
Ник Данн	66
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Гиллиан Флинн

Исчезнувшая

Тебе, Бретт, мое большое солнце, и тебе, Флинн, мое маленькое солнце

Любовь – вот бесконечная переменная нашего мира; ложь, ненависть и даже убийство вобрала она в себя, она – таит в себе противоположности, она – прекрасная роза с ароматом крови.
Иллюзия. Тони Кашнер

Часть первая

Парень теряет девушку

Ник Данн

Тот день

Когда я представляю свою жену, то прежде всего вижу голову. Увидев ее впервые с затылка, я решил: в форме черепа есть что-то умилительно-округлое. Он напоминал спелый орех или окатанный камень со дна реки. В Викторианскую эпоху сказали бы: голова идеальной формы. Я узнаю эту голову где угодно.

Глядя на нее, с легкостью можно представить череп.

И то, что внутри. Об этом я тоже думаю – о ее разуме. Мозг с уймой извилин, по которым стремительными многоножками бегают мысли. Подобно ребенку, я воображаю, как вскрываю череп Эми и разматываю, как клубок, извилину за извилиной, прочесываю их, пытаюсь найти и выловить мысли.

«Эми, о чем ты думаешь?» – вот вопрос, который я чаще всего задавал за время нашей семейной жизни. В основном не вслух, а мысленно. Думаю, такие вопросы клубятся, словно грозовые тучи, над каждой супружеской парой.

«О чем ты думаешь? Что чувствуешь? Кто мы? Что сделали друг для друга? Что еще нам предстоит сделать?»

Мои глаза открылись ровно в шесть утра. Не затрепетали ресницы, как птичьи крылья, не наступило медленное пробуждение, нет. Обыденный механический процесс. Как будто фокусник распахнул черный ящик. Только что мир окутывала тьма, и вдруг – бац! – свет. На часах горели цифры – 6:00. Редкое событие. Обычно я не просыпаюсь в круглое время. Мои побудки беспорядочны: то в 8:43, то в 11:51, то в 9:26... У меня вообще беспорядочная жизнь.

И в этот круглый миг, в 6:00, солнце перевалило через выстроившиеся на горизонте дубы, явив себя строгим летним владыкой. Его лик вспыхнул по ту сторону реки, к нашему дому протянулся длинный сияющий палец и уперся прямо в меня сквозь хлипкие занавеси грозным жестом: тебя увидели и уже не спустят глаз.

Я уткнулся носом в подушку на нашей нью-йоркской кровати, привезенной в новый дом. Мы все еще называли его новым домом, хотя переехали больше двух лет назад. Арендванный коттедж на берегу Миссисипи был вызывающе роскошным, как загородный дворец нувориша. Сюда я стремился с самого детства, жизнь в большом городе тяготила меня.

Дом, где все знакомо до мелочей... но моя жена его ненавидит.

«Может, мне душу оставлять при входе?» – осведомилась она, едва появившись здесь.

Тогда Эми настояла не на покупке, а на аренде дома в моем родном штате Миссури, всерьез рассчитывая, что надолго мы не задержимся. Но сдаваемые дома столпились именно здесь, в крошечном городе-призраке, разоренном кризисом. Недвижимость переходила в собственность банков, падая в цене до немыслимых пределов. Коттеджные поселки в окрестностях закрывались порой раньше, чем успевали открыться. С моей стороны это был компромисс, но Эми так не считала. Она называла мой поступок прихотью эгоиста, предательской, как удар ножом исподтишка. Оказывается, я перетащил ее из настоящего города с его кипучей жизнью в глушь и дикость, заточил среди деревенщины, над которой она привыкла потешаться.

Я всегда считал, что для достижения компромисса к нему должны стремиться обе стороны. Но почему-то все наши компромиссы были односторонними. Один из нас обязательно оставался недовольным. И как правило, это была Эми.

Не надо злиться на меня, Эми. Не надо называть это «миссурийской катастрофой». Злись на экономику, на невезение, на моих родителей, на своих родителей, на Интернет и на интернет-пользователей.

Я привык зарабатывать писательским трудом, сочинять романы, сценарии для кинофильмов и телевизионных программ.

Когда-то люди читали с бумаги, и я жил не тужил. Я приехал в Нью-Йорк в конце девяностых; в ту пору престиж писательского труда уже дышал на ладан. В Нью-Йорке автор на авторе сидел и автором погонял. И это были самые настоящие писатели, поскольку хватало журналов, газет, книжных издательств. Интернет тогда казался экзотической зверюшкой в отдаленном уголке информационного мира – кинь ей горстку корма и любуйся, как она пляшет на коротком поводке; не надо бояться, что однажды ночью подкрадется и прикончит тебя. Подумать только! Было время, когда вчерашний выпускник колледжа приезжал в Нью-Йорк и зарабатывал на жизнь литературой. Разве мы могли предполагать, что осваиваем ремесло, которое уже через десять лет станет никому не нужным?

Целых одиннадцать лет у меня была востребованная работа, а потом раз – и пропала. По всей стране хирели вместе с экономикой и закрывались журналы. Писатели (то есть писатели моего типа – трудолюбивые беллетристы, вдумчивые философы, недостаточно гибкие, чтобы уйти в блогеры и городить всякую чепуху, в большинстве своем упрямые старые гордецы) исчезали, подобно создателям дамских шляпок или извозчичьих кнутов. Наше время ушло. Через три недели после того, как я получил от ворот поворот, лишилась работы и Эми. Могу представить, как она заглядывает мне через плечо и ухмыляется, читая строки, где я рассуждаю о своей карьере, о неудачах и увольнениях. Все ее отношение к моим рефлексиям помещается в одной фразе. «Как это типично, – говорит она. – Как это на тебя похоже, Ник».

Эти слова звучат как рефрен. Чтобы упасть в ее глазах, достаточно показаться похожим на меня.

Два взрослых безработных человека, мы блуждали по ржавым бруклинским пескам в носках и пижамах, наплевав на будущее, расшвыривая нераскрытые конверты по столам и диванам, поедая сливочное мороженое, с десяти и до полудня, а после обеда отсыпались.

А однажды зазвонил телефон. На другом конце провода была моя сестра-двойняшка. Марго тоже потеряла работу в Нью-Йорке и вернулась домой. Девочка вечно опережала меня на шаг, даже когда получала пинки от судьбы-злодейки. Она звонила мне из старого доброго Карфагена, штат Миссури, из дому, где мы выросли. Прислушиваясь к голосу Марго, я видел ее десятилетней, с волосами как копна, в шортах на помочах, сидящую на дедовском причале. Она горбилась, смахивая на старую подушку, и внимательно следила за белесой, как рыба, ногой, которой болтала в воде. Марго всегда была очень сосредоточенной девочкой.

Добрым, даже можно сказать ласковым, голосом она сообщила удручающую новость. Наша негибкая мама умирала. У отца дела обстояли не лучше, его отвратительный разум и

ничтожная душа угрюмо брели в серую мглу посмертия. Но по всему выходило, что мама и в этот раз его переплюнет. Врачи давали ей шесть месяцев, ну самое большее год. Я узнал, что Го беседовала с доктором без свидетелей и тщательно записала его слова своим неразборчивым почерком. И теперь, пытаясь расшифровать заметки, неизменно срывалась на плач.

Ее смущали сроки и дозировки.

– Ну, мать его растак, поди вспомни, что он имел в виду! Что значит – девять?! – восклицала она, и я решился.

Вот она – цель, задача. Лежит на ладони у сестры, будто спелая слива. Я едва не закричал от восторга и облегчения:

– Я возвращаюсь, Го! Мы едем домой. Тебе не придется тащить все на себе.

Она не поверила. Я услышал ее вздох в трубке.

– Го, я серьезно. Почему бы и нет? Здесь меня ничто не держит.

– А что скажет Эми? – буркнула она.

Вот об этом я и не подумал. Просто решил, что суну в чемодан свою нью-йоркскую жену с ее нью-йоркскими увлечениями и нью-йоркской гордыней, уволоку ее от нью-йоркских корней, из буйного и полнокровного Манхэттена в городишко на берегу Миссисипи, и дело с концом.

Я еще не понимал, какой я глупец и оптимист. Я тогда совершенно не умел трезво глядеть на мир. И не представлял себе, в какую передрыгу вляпаюсь.

– Эми будет не против. Эми...

Тут я должен был сказать что-то вроде: «Эми любит нашу маму», но не смог, так как за все время нашего супружества они почти не общались. Несколько встреч оставили у обеих неприятный осадок. После каждого разговора Эми несколько дней не могла успокоиться: «Что она имела в виду?» Как будто наша мама – первобытная охотница. Заявилась из прерий с мешком бизоньего мяса и предлагает меняться, а Эми не может понять, на что именно.

Эми не хотела знакомиться с моей семьей, не хотела видеть мою родину, но почему-то переезд не казался мне плохой идеей.

* * *

Когда подушка нагрелась от дыхания, мои мысли двинулись в другом направлении. Нынешний день не годится для сожалений или копания в прошлом, его нужно провести активно. Снизу доносились давно позабытые звуки – Эми готовила завтрак. Гремели дверцы шкафов (литавры!), звенели стаканы и консервные банки (колокольчики!), дребезжали кастрюли и жестяные коробки (тарелки!). Кулинарный оркестр достиг крещендо и энергично устремился к финалу. Форма для запекания свалилась на пол, отскочила и стукнулась о стену – это цимбалы. Этим утром на завтрак меня ожидает нечто особенное. Например, блинчики. Блинчики – это и есть нечто особенное в понимании Эми.

Сегодня пятая годовщина нашей свадьбы.

Босиком я прошлепал к лестнице и прислушался, зарывшись пальцами ног в ворс однотонной ковровой дорожки, которую Эми не любила из принципа, и задумался: готов ли я присоединиться к жене? Сама она на кухне не догадывалась о моих сомнениях и что-то меланхолично напевала. Что-то очень знакомое. Я попытался вспомнить: это что-то фольклорное или колыбельная? А потом понял! Это тема из сериала «Чертова служба в госпитале МЭШ». «Самоубийство не причиняет боли, оно приносит много перемен...» И я пошел вниз.

На пороге кухни потоптался, глядя на жену. Ее желтые, как сливочное масло, волосы, собранные в пучок на затылке, весело взбрыкивали. Эми посасывала обожженный палец и мурлыкала под нос. Обычно она пела про себя, поскольку я не знал человека, хуже, чем она, запоющего стихи. Когда мы справляли первую годовщину, по радио крутили песню группы

«Генезис»: «She seems to have an invisible touch, yeah»¹. А Эми вместо этого напевала: «She takes my hat and puts it on the top shelf»². Когда я спросил: «Ну, как ты до этого додумалась, ведь ни малейшего же сходства?» – жена ответила: ей представляется, что женщина, о которой речь, так любит своего мужа, что бережно хранит его шляпу на самой верхней полке. Я знал, что она любит меня, поэтому тогда был вполне удовлетворен таким объяснением.

Есть нечто трудносовместимое в теплых воспоминаниях и нынешних прохладных отношениях.

Эми, внимательно следя за пузырящимся на сковороде блинчиком, что-то слизнула с запястья. Она выглядела сногшибательно, как и положено моей жене. Если сейчас обниму ее, то почувствую запахи ягод и сахарной пудры.

Оглянувшись на меня, стоящего в застиранных трусах-боксерах, с волосами как у Хита Майзера из «Года без Санты», она оперлась о кухонный стол и протянула:

– Ну, с добрым утром, трудолюбивый мой.

Горечь со страхом подступили комком к горлу. И я подумал: «Ладно, иду».

Я вечно опаздывал на работу. Мы с сестрой сделали большую глупость, когда вернулись в родные края. Совершили поступок, о котором мечтали с детства. Мы открыли бар. Деньги одолжили у Эми. Восемьдесят тысяч долларов. Когда-то эти деньги были для нее сущим пустяком, но теперь – почти все ее состояние. Я клятвенно пообещал все вернуть, и даже с процентами. Ведь я не из тех мужчин, которые живут за счет жены. Сразу представил себе отца, брезгливо скривившего губы от одной такой мысли. И его уничижительную фразу: «Да, есть много разных мужиков, но ты самый никчемный из всех».

Но на самом деле мы приняли правильное решение, пошли на оправданный риск. Оба мы, Эми и я, нуждались в новой карьере, а этот бизнес как раз по мне. Пока она отвергает одно предложение за другим, нам нужен стартовый капитал, а где его взять, если не в «стабилизационном фонде Эми»? Подобно тому как я арендовал коттедж проекта «Макмэншн», я вложился в бар, в то символическое место из детских представлений, куда допускаются только взрослые.

Может быть, именно поэтому, оставшись без средств к существованию, я был так настойчив в намерении приобрести бар. Он напоминал, что я все-таки взрослый мужчина, человеческая единица, способная приносить пользу, хоть моя карьера пошла прахом. Ошибки я не повторю. Пускай бесконечные стада «востребованных» писателей продолжают скулить и жаловаться – на Интернет, на кризис, на американского потребителя, предпочитающего пялиться в телик, или гонять видеоигры, или переписываться в социальных сетях, рассказывая о пролившемся где-то дожде! Но никто не откажется за глотком-другим бурбона провести конец жаркого дня в прохладном полутемном баре. Мир никогда не бросит пить.

Наш угловой бар представлял смешение всех вкусов и стилей. Особенно бросалась в глаза массивная викторианская стойка, где драконы и ангелы словно пытались высунуть головы из дуба, – довольно экстравагантная работа резчика по дереву в пору засилия пластика. Признаться, остаток убранства выглядел как полное дерьмо. По дрянному кусочку от каждого десятилетия минувшего века: линолеум эпохи Эйзенхауэра, покоробленный, как пережаренный гренок; весьма неприглядная панельная обшивка стен словно шагнула из домашнего порно семидесятых; галогеновые светильники на полу – дань памяти моей комнате в общежитии в девяностые. Но окончательный дизайн получился на удивление уютным и довольно веселеньким – обстановка меньше напоминает бар, чем если бы она была тщательно продуманной. Парковка у нас общая с кегельбаном, и, когда распахиваются двери, грохот шаров аплодирует входящему посетителю.

Бар мы называли просто: «Бар».

¹ «Кажется, она обладает невидимым прикосновением, да» (из песни «Invisible touch»).

² «Она берет мою шляпу и кладет на верхнюю полку».

– Лучше прослыть стебщиками, чем креативными банкротами, – рассуждала сестра.

Да, мы мнили себя хитровыделанными ньюйоркцами... О том, что название – тонкая шутка, догадались, может быть, двое-трое клиентов, но погоды они не сделали. То есть никаких сверхприбылей.

А мы-то навоображали себе местных, чешущих затылки: «Эй, зачем вы назвали свое заведение „Баром“?» Но первая же посетительница, дамочка в бифокальных очках и розовом спортивном костюме, заявила: «А мне нравится название. Вроде как ту кошку у Одри Хепберн в „Завтраке у Тиффани“ звали просто Кошка».

С тех пор мы гораздо меньше заносились, и правильно делали.

Я свернул на парковку, подождал, пока в кегельбане не случится страйк – спасибо, спасибо, друзья мои! – и вылез из машины. Пока еще мне нравились здешние виды – глаз не замылился. И почта из белого кирпича по ту сторону улицы (теперь закрытая по субботам), и скромное здание цвета беж – городская администрация (тоже временно закрытая). Небогатый и вовсе не большой город. Дьявольщина, даже собственного имени у него не было! В штате Миссури два Карфагена, между ними сотни миль, и наш, промышленный, Северный, меньший из тезок. Странный городок возник в 1950 году на месте рабочего поселка, а потом слегка разросся на почве научно-технического прогресса. Здесь родилась и прожила всю жизнь моя мама, поставила на ноги меня и Го, так что город имеет историю. По крайней мере, для меня.

Шагая в сторону бара по стоянке с пробивающимся сквозь щели в бетонных плитах бурьяном, я глядел на реку за дорогой. Вот что я всегда буду любить в нашем Карфагене. Мы и поселились не на безопасном пригорке с видом на Миссисипи, а на самой Миссисипи. Я мог спуститься по тропинке, прыгнуть в воду с трехфутового обрыва и уплыть в штат Теннесси. Каждая новостройка в деловой части словно показывала линию, до которой доходили разливы шестьдесят первого, семьдесят пятого, восемьдесят четвертого, девяносто третьего годов прошлого века, седьмого, восьмого, одиннадцатого годов этого столетия.

Сейчас не было половодья, но в реке угадывались мощные течения. По дороге к берегу цепочкой спускались люди. Мой взгляд скользил по их ногам и плечам, ни на ком не задерживаясь. И вдруг один пешеход поднял голову. Темное лицо, словно овальный клоч черноты. Я отвернулся.

Возникла настойчивая, просто необоримая потребность нырнуть в убежище. Пока я проделал положенные двадцать шагов, шея взмокла от пота. Солнце все еще сияло в небе подобно сердитому глазу. «Тебя увидели!»

Кишки мои сжались в узел, и я зашагал быстрее. Очень хотелось выпить.

Эми Эллиот
8 января 2005 года
Страницы дневника

Тра-ля-ля! Я улыбаюсь, как обретшая семью сирота, когда это пишу. Даже слегка неудобно, что я такая счастливая, будто болтающая по телефону девчонка из онлайн-комиксов «Техниколор», еще бы добавить волосы, собранные в конский хвост, да речевой пузырь над головой: «Я познакомилась с мальчиком!»

Но ведь это правда. Самая настоящая правда жизни. Да, я встретила парня – высокого, сильного, прекрасно одетого, с чувством юмора и крутой задницей. Позвольте мне подробно описать всю сцену, поскольку она достойна быть сохраненной в памяти потомков. О нет! Только не думайте, что я нафантазировала себе потомство! Фи!

Но все по порядку. Новый год еще не наступил, но было до него рукой подать. Зима: рано темнеет, на улице собачий холод.

Кармен, одна из моих новых подружек – так себе подружка, чуть-чуть; бывают подружки, которым неудобно отказывать, – пригласила меня в Бруклин, на вечеринку с писателями. Мне нравятся вечеринки с писателями, мне нравятся писатели, я родилась в семье писателей, я сама писатель. Мне все еще в кайф, как пишется это слово – ПИСАТЕЛЬ – в любом документе, в любой анкете, где есть вопросы о роде моей деятельности. Ну, допустим, я составляю персональные опросники, а не даю главные новости на первую полосу, но все равно, как мне кажется, этого достаточно, чтобы заявить: я писатель. Работа в журнале – временная, она нужна, чтобы оттачивать навыки, копить наблюдения и вникать в детали. Чтобы потом не болтали, будто я такая же бестолковая, как и все писаки. Лучше один раз увидеть, и все такое. Снова наползает улыбка удочеренной сиротки: ну согласитесь, все это не так уж маловажно. Я серьезно считаю, что мои анкеты сами по себе поднимают меня на более высокий профессиональный уровень. Разве я не права?

На вечеринке вы попадаете в окружение настоящих и даже талантливых писателей, которые сотрудничают с высокочлассными, важными газетами и журналами. А вы зарабатываете тем, что составляете анкеты для женского листка. Когда вас спрашивают насчет профессии, вы:

- а) смущаетесь и мямлите: я всего-навсего автор глупых викторин;*
- б) обижаетесь: я настоящий писатель, а сейчас я в поисках серьезных предложений; кстати, сами-то чем промышляете?*
- в) с гордостью рассказываете о своих достижениях: я готовлю персональные опросники, используя глубокие познания в психологии; у меня степень магистра, между прочим, и кстати, еще один факт: я прототип героини популярной книжной серии для детей, вы об «Удивительной Эми» разве не слышали? Нет? Ну, тогда курите бамбук, снобы!*

Ответ: в), и только в).

Но хватит об этом.

Вечеринку устраивал один из друзей Кармен, промышляющий журнальными рецензиями на тему киноискусства. Весьма забавный малый, по утверждению той же Кармен. Я боялась, как бы она не затеяла меня с кем-нибудь свести. Мне неинтересны запланированные знакомства. Нужно, чтобы мужчина сидел в засаде и нападал неожиданно, этакий хищный зверь-любовник. Иначе тушуюсь. Из всех сил стараюсь быть обворожительной, потом лезу вон из

кожи, чтобы настоящей обворожительностью замаскировать фальшивую обворожительность, и наконец превращаюсь в Лайзу Минелли. Танцую в трико с блестками и умоляю полюбить меня. Котелок, джаз-хэнд и улыбка на тридцать два зуба.

Нет, я понимаю Кармен, которая липнет к своему приятелю. Он ей нравится, и это отлично.

Мы поднимаемся на три пролета по раздолбанным ступенькам и заходим в душное помещение, полное писателей. Куча солнцезащитных очков и растрепанных шевелюр, ковбойских рубашек и водолазок всех цветов радуги, черные суконные пикоты свалены на банкетку, и вся эта гора сползает на пол. На стене постер «Побега» на немецком («Ihre Chance war gleich Null!»³). Из стереоколонок поет Франц Фердинанд: «Take Me Out».

Парни толкуются у карточного столика, где составлена вся выпивка, подливают себе после каждой пары глотков, так как выпивки мало, а в большой семье клювом не щелкают. Я протискиваюсь между ними, подставляя пластиковый стаканчик, словно уличный музыкант, получаю горсть кубиков льда и пару глотков водки от парня со слащавым лицом, одетого в футболку «Космические захватчики».

Вскоре на всех остается бутылка убойно-зеленого яблочного ликера. Это если, как с иронией заметил хозяин, кто-нибудь не сгоняет за выпивкой. Но самопожертвование маловероятно – каждый утверждает, что именно он бегал в прошлый раз. Здесь послерождественская вечеринка, гость напраздновался до тошноты, он ленив и недоволен одновременно. Вечеринка, где слишком много пьют и долго подбирают мудреные выражения в спорах, выдыхая сигаретный дым в форточку даже после того, как хозяин просит выйти на улицу. Мы уже сказали друг другу все на тысяче вечеринок в минувшие праздники, и говорить больше не о чем, но мы скучаем тут все вместе, потому что не хотим идти на мороз; у нас ломит кости от хождения по лестницам в метро.

Я бросила Кармен с ее щеголем-дружком – они что-то обсуждали в углу кухни, ссутулившись и сблизив лица так, что смахивали на сердечко с валентинки. Ну и ладно. В желудке посасывало, и я размышляла, где добыть еды, озираясь в центре комнаты, как ребенок, впервые попавший в закусочную. Но уже практически ничего не осталось. Какие-то обломки картофельных чипсов на дне огромной тарелки фирмы «Тапперваре». Блюдо с овощным ассорти из супермаркета – привядшая морковь, пожухлый сельдерей и спермовидный дип-соус – стояло на кофейном столике нетронутым, если не считать торчащие из еды окурки, точно дополнительные призы.

Меня часто тянет на импульсивные поступки. А что, если прыгнуть в партер прямо с театрального балкона? А что, если поцеловать по-французски бродягу, сидящего напротив в вагоне метро? А что, если усестись на пол посреди шумной вечеринки и съесть все, что ни есть на этом блюде, включая хабары?

– Не ешьте ничего отсюда, – произносит голос.

Это он (па-па-па-ПАМ-М-М!), но я еще не знаю, что это он (па-па-ПАМ-М-М!). Пока я знаю, что это парень, который заговорил со мной. У него налет самовлюбленности, такой же, как у ироничного чувака в футболке, только этому самомнению более к лицу. Передо мной тип мужчины, который умеет себя подать, умеет понравиться женщине, умеет трахнуть ее как следует. А я не прочь потрахаться как следует! Жизнь все время подсовывает мне три типа мужчин. Опрятные члены Лиги плюща, которые мнят себя персонажами романов Фицджеральда. Прилизанные парни с Уолл-стрит, у которых знак доллара не только в глазах, но и в ушах, и во рту. И утонченные интеллигентные мальчики, до того манерные, что тебя постоянно разбирает смех. Персонажи Фицджеральда в постели склонны к бессмысленному подражанию порно, много шума, акробатики и никакого толку. Финансисты слабы и быстро отво-

³ «Их шансы равны нулю!» (нем.)

рачиваются. Деликатные умники трахаются так, словно сочиняют математический рок, – эта рука отбивает аккорды здесь, а этот палец задает басовый ритм тут.

Я не слишком ли развратной выгляжу? В паузе пересчитываем, сколько их было. Одиннадцать? Неплохо... Но мне всегда казалось, что двенадцать – вот хорошее, солидное число. Если закругляться, то на нем.

– Нет, правда, – продолжает номер двенадцать (Ха!). – Отойдите подальше от подноса. У Джеймса есть еще кое-что в холодильнике. Целых три вида блюд. Как относитесь к маслинам с горчицей? Маслина там, правда, только одна, но все-таки...

«Маслина там, правда, только одна, но все-таки...» Не пик остроумия, но бывают такие особые шутки, для внутреннего употребления, которые с годами становятся все забавнее. Это из-за ностальгии. Я представляю, как год спустя мы будем шагать по Бруклинскому мосту на закате и кто-нибудь из нас обязательно шепнет: «Маслина там, правда, только одна, но все-таки...» И мы будем хохотать.

Тут я спохватываюсь. Ужас! Если бы он догадался, чего я себе намечтала на целый год, то бежал бы без оглядки, а это в мои планы не входит.

Я много улыбаюсь, но это в основном потому, что он супер. Красавец – глаз не оторвать; просто шизеешь от такого великолепия. Подмывает обратиться с неуклюжим: «Сам-то хоть знаешь, какой ты обалденный?» И дальше завяжется беседа. Держу пари, все записные ловеласы терпеть его не могут. Он напоминает богатенького подонка из подростковых фильмов восьмидесятых. Такой задирает чувствительных неудачников, пока не получит тортом в физиономию, – и вот он стоит дурак дураком, а взбитые сливки текут ему за стилижно поднятый воротник.

Но этот парень так себя не ведет. Его зовут Ник. Хорошее имя, оно помогает ему выглядеть симпатичнее и нормальнее. Да он такой и есть. Когда Ник представляется, я отвечаю:

– Да, это удачное имя.

Он улыбается и пускается в рассуждения:

– Верно. Ник как раз тот парень, с которым можно просто попить пива. Тот парень, который не помнит, тошнило ли вас в его машине. Ник!

Он выдает подряд несколько жутких каламбуров. Я улавливаю от силы три четверти цитат из кинолент. А может, и две трети. (Узелок на память: взять в прокате «Верняк».) Он снова наливает мне спиртного, даже не спрашивая разрешения, при этом находит более-менее пристойный стакан. Он претендует на меня, он пометил меня: «Я успел первым, теперь она моя». И это здорово. Особенно после моего последнего нервного, мягкотелого парня эпохи победившего феминизма. У Ника широкая улыбка – улыбка сытого кота. Как будто он сейчас выплюнет лимонные перья канарейки Твити. Он не спрашивает, чем я зарабатываю на жизнь, и это очень тонкий ход. (Между прочим, я писательница, чтоб вы знали.) Он беседует со мной на плавном говорке уроженцев Миссури. Рассказывает, что родился и вырос на окраине Ганнибалы, на родине Марка Твена, где тот черпал вдохновение для «Тома Сойера». Рассказывает, как подростком работал на пароходе – ужин и джаз для туристов. А когда я смеюсь – наглова-тая, своевольная нью-йоркская девчонка, которая никогда не рисковала съездить в эти огромные внутренние штаты, штаты, где живут совсем иные люди, – он сообщает, что Миссури – волшебный край, в мире нет земли красивее, нет штата величественнее. При этом глаза его такие озорные, а ресницы такие длинные! Легко представить, каким он был в детстве.

Мы уезжаем в одном такси. Уличные фонари делают дорогу полосатой, даже кружится голова. Шофер давит на газ, будто мы уходим от погони, но в двенадцати кварталах от моего дома мы застреваем в классической неожиданной нью-йоркской пробке. Нырять из такси в холод и пустоту.

Что потом? Ник провожает меня домой, легонько обнимая за талию, а наши лица зябнут. Свернув за угол, мы видим, как местная пекарня разгружает сахарную пудру, – мешками, как

цемент, их заносят в подвал. Призрачные тени грузчиков плывут в белесом сладком мареве. Улица качается под ногами, Ник притягивает меня к себе и улыбается. Берет мой локон и пропускает между пальцами. Дважды дергает, будто звонит в колокольчик. Его ресницы припорошены пудрой, а потом он склоняется и слизывает сахар с моих губ, словно пробует меня на вкус.

Ник Дани Тот день

Я толкнул двери нашего бара и окунулся в полумрак, сделав первый за этот день по-настоящему глубокий вдох. Поймал запахи сигарет и пива, специфический аромат бурбона, застоявшуюся вонь пережаренного попкорна. Внутри сидел один-единственный клиент – привычное место за дальним концом барной стойки занимала старушка Сю, которая каждый четверг приходила сюда с мужем, пока тот не умер месяца три назад. Она продолжала появляться по четвергам, ни с кем не разговаривала, а просто сидела с пивом и кроссвордом, соблюдая привычный ритуал.

Моя сестра работала за стойкой. Волосы она закрепила заколкой, как девочка-простушка; покрасневшие руки ополаскивали бокалы мыльной водой и наливали в них пиво. У Го стройная фигура и необычные черты лица; трудно назвать ее непривлекательной. Нужно только уделить минутку и оценить по достоинству широкие скулы, аккуратный нос и круглые глаза. В ту эпоху, когда в фильмах снимались подобные типажи, мужчины сдвигали бы перед ней на затылок фетровые шляпы, присвистывали и восклицали: «Вот это я понимаю!» Лицо королевы такой экзотики, как кино тридцатых годов, не всегда соответствует нашим представлениям о феях сего времени, но моя сестра, сколько я ее помню, нравится мужчинам, и это одновременно вселяет в меня гордость и тревогу за Го.

– А мясной хлеб с паприкой сейчас еще делают? – спросила Го вместо приветствия, не поднимая глаз, просто догадавшись, что это я зашел.

Я ощутил умиротворение, как всегда в ее присутствии. Может быть, наше дело и не приносит большой прибыли, но живы будем – не помрем.

Го – моя двойняшка. Я так часто произносил эти слова, что они превратились в молитву, в успокоительную мантру. Мы родились в семидесятые, когда двойняшки были столь же редки, как единороги или эльфы. Похоже, мы чувствуем друг друга телепатически. Во всем мире не найдется еще человека, с которым я ощущал бы такое близкое родство. Мне не нужно объяснять ей свои поступки. Я не растолковываю, не переживаю, не мучусь сомнениями. Я не говорю ей всего с некоторых пор, да и никому не говорю всего, но я ей говорю все, что можно сказать. Девять месяцев мы провели спина к спине, прикрывая друг друга. Это стало привычкой на всю жизнь. И мне все равно, что она девчонка, – правда, странное отношение для такого застенчивого паренька?

Что еще сказать? Марго всегда была крута.

– Мясной хлеб с паприкой – это колбаса такая, что ли? – спросил я. – Наверное, еще делают.

– Надо бы нам прикупить немного, – проговорила она, выгнув бровь. – Интересно, что за штука.

Не задавая вопросов, она плеснула мне крепкого пива в кружку сомнительной чистоты. Заметила, что я рассматриваю испачканный ободок, поднесла бокал к губам и слизнула пятно, оставив капельку слюны. Поставила передо мной на картонный квадратик:

– Так лучше, мой повелитель?

Го всегда считала, что я был родительским любимчиком. Просто потому, что я мальчик, единственный ребенок, чье появление планировали, а она пробралась в этот мир незаконно, вцепившись в мою лодыжку. Нежеланный гость, а для нашего отца так весьма нежеланный гость. Она считала себя лишней, особенно в детстве, влача жалкое существование: редкие обновления из магазинов готового платья, ограничения в расходах, всеобщая жалость. Во многом ее рассуждения совпадали с истинным положением дел. Я это вполне допускаю.

– Да, моя жалкая рабыня. – Я царственно повел рукой.

И принялся за пиво. Нужно посидеть и выпить пару бокалов. А лучше три. Мои нервы пошли вразнос с самого утра.

– Что с тобой? – спросила Го. – Какой-то ты взвинченный.

Она брызнула в меня пеной, в которой воды было гораздо больше, чем мыла. Внезапно заработал кондиционер, взъерошив волосы на наших головах. В баре мы проводили больше времени, чем необходимо. Он стал для нас кружком по интересам, которого в детстве мы были лишены. Однажды ночью, подвыпив, мы вскрыли старые коробки в подвале дома нашей мамы. Тогда она еще бодрилась, но смерть уже стучалась в двери. Желая хоть как-то отвлечься, мы вытащили и разобрали все игрушки и настольные игры под аккомпанемент охов и ахов, в перерывах между глотками баночного пива. Получилось этакое августовское Рождество.

После смерти матушки Го перебралась в ее старый дом, а игрушки мы потихоньку перетаскивали в наш «Бар». Например, неожиданно для меня на табурете появилась кукла Земляничный Шоткейк, практически лишившаяся аромата, – мой давешний подарок Го. А на угловую полку встал маленький «шевроле эль камино» фирмы «Хот вилс», без одного колеса, – ее ответный подарок.

Мы даже подумывали организовать вечер настольных игр для посетителей, хотя большинство наших клиентов были слишком дряхлы, чтобы восхищаться воспоминаниями о «Голодных бегемотиках» или игре «Жизнь» с малюсенькими пластмассовыми автомобилями, которые надо заполнять родителями и детьми размером с булавочную головку.

«Что-то я не запомнил, как ты выиграл». (Афоризм дня от «Хасбро».)

Го снова налила мне пива, а потом и себе. Веко на ее левом глазу слегка опустилось. Время близилось к полудню, к 12:00, и я задался вопросом: это который у нее нынче бокал?

Марго пережила ухабистое десятилетие. Моя сестра – финансистка с мозгом космического инженера и духом наездника родео – в конце девяностых закончила колледж и перебралась в Манхэттен. Она одна из первых доткомовских феноменов – срубила сумасшедшие деньги, а потом угодила в Интернет-пузырь двухтысячного. Но катастрофа не сломила Го. Возраст у нее был ближе к двадцати, чем к тридцати, и выглядела она что надо. Во втором акте жизненной драмы она получила ученую степень и окунулась в теневой мир банковских инвестиций. Держалась в середнячках – ничего чересчур роскошного, ничего предосудительного, – но потеряла работу очень скоро, в 2008 году, когда финансовая система пошла к черту. Я даже не знал, что сестра покинула Нью-Йорк, пока она не позвонила из маминого дома со словами: «Я сдаюсь». Я уговаривал вернуться, льстил самолюбию, но Го отвечала лишь напряженным молчанием. Повесив трубку, я, озабоченный, совершил паломничество в Бауэри и там, в квартире сестры, увидел ее любимый фикус по имени Гарри умирающим, с облетевшей листвой, изгнанным на площадку пожарной лестницы. Тогда я понял, что она не собирается возвращаться.

Казалось, работа в баре взбодрила ее. Она вела бухгалтерию, разливала пиво. Довольно регулярно тянула мелочь из банки для чаевых, зато и работала больше, чем я. Мы старались не вспоминать прежнюю жизнь. Мы Данны, мы делаем свое дело и, как ни странно, довольны судьбой.

– Ну и что? – спросила Го.

Обычно этими словами она и начинала разговор.

– А...

– Что «а»? «А» – это плохо? Ты неважно выглядишь.

Я пожал плечами, и сестра внимательно посмотрела мне в лицо:

– Эми?

Легкий вопрос. Я снова пожал плечами – проверенный временем знак «а что поделать?».

Го состроила удивленное лицо и, опираясь локтями о барную стойку, расположила подбородок на ладонях – приготовилась отпустить шпильку насчет моей семейной жизни. В этом занятии она поднаторела.

– Так что за проблема?

– Трудный день. Всего-навсего трудный день.

– Ты слишком трясешься над ней. – Го закурила, пустила струйку дыма мне в лицо. Она курила по одной сигарете в день. – Все женщины чокнутые.

Моя сестра не относилась к женщинам и даже само это слово всегда произносила с насмешкой.

Я дунул навстречу дыму, возвращая его хозяйке.

– У нас сегодня юбилей. Пять лет.

– Вау! – Го запрокинула голову. Она была у нас подружкой невесты – вся в нежно-фиолетовом, волосы цвета воронова крыла украшены аметистами, а мать Эми помогала ей наряжаться, но какой-то там юбилей, по ее мнению, не стоил того, чтобы напрягать память. – Черт побери! Твою мать, красавчик! Так быстро... – Она опять дунула дымом в мою сторону – пассивный способ заработать рак легких. – И она что, собирается устроить... ну, как вы это называете... мусоросборку?

– Охоту за сокровищами, – поправил я ее.

Моя жена обожала игры. По большей части те, которые требовали умственных усилий, но и обычные игры тоже. В каждую нашу годовщину она тщательно организовывала сложные поиски клада. Каждый ход требовал разгадки некоего ключа, и с каждым шагом я продвигался все дальше и дальше, пока в конце концов не получал заслуженную награду. Я думаю, ее папаша устраивал для ее мамы подобные развлечения в юбилейные дни, и не думайте, что я не считаю себя обязанным выполнять гендерную роль. Но я рос не в семье Эми, а в своей, а потому отлично помню последний подарок отца маме – тяжелый уют, даже без обертки или коробки, мрачно выставленный на кухонный стол.

– Будем держать пари, как она разозлится на тебя в этом году? – спросила Го, улыбаясь над краем бокала.

В охоте за сокровищами с Эми меня подстерегала вечная проблема – я никак не мог угадать нужный ключ. В нашу первую годовщину, еще в Нью-Йорке, я отыскал два из семи. И это был лучший год!

Первая загадка гласила:

Местечко это – мама не горюй,
Но был хорош в осенний вторник поцелуй.

Так ощущает себя ребенок на экзамене по грамматике. За несколько томительных секунд ты перелопачиваешь свои мозги сверху донизу, тщетно пытаешься догадаться, что бы это значило. И тебя, словно неуча, охватывает паника.

– Ирландский бар в некоем определенном месте, – подсказывала Эми.

Я закусил губу и пожал плечами, озираясь по сторонам, будто ответ должен появиться в нашей гостиной. Эми дала мне еще одну, очень длинную, минуту.

– Мы заблудились под дождем. – Теперь в ее голосе проскользнула нотка раздражения.

Я сдался.

– «Макманнз», Ник! Помнишь, как мы заблудились под дождем в китайском квартале и мечтали найти сухое местечко? Думали, что спрячемся возле статуи Конфуция, но у них там целых два Конфуция, поэтому мы нырнули в первый попавшийся ирландский бар, лишь бы спрятаться от проклятой сырости, хлопнули по несколько стаканчиков виски, а потом... Потом ты сгреб меня в охапку и поцеловал. И это было...

– Точно! Но если бы ты сделала ключом упоминание о Конфуции, то я...

– Важна не статуя! А заведение! И тот миг. Я ведь думала, это было просто нечто! – Последние слова она произнесла в ритме детской песенки – когда-то мне это казалось очень милым.

– А это и было нечто. – Я притянул Эми к себе и поцеловал. – Тот чмок у меня специально для таких вот праздников. Так давай же сходим в «Макманнз» и повторим поцелуй.

Широкоплечий и бородатый, похожий на медведя, бармен из «Макманнза», заметив наше появление, оскалился, набулькал нам виски и продекламировал следующую загадку:

От грусти, наверное, я не умру —
Есть место, которое лечит хандру.

Это целебное место не могло быть ничем иным, кроме как статуей в Центральном парке, изображавшей Алису из Страны чудес, о которой Эми мне рассказывала. Рассказывала много раз, поэтому облегчила задачу, стоящую перед нерадивым учеником. Я не забыл ничего из тех разговоров. Честное слово, не забыл. Хотя у меня есть такой грешок – все преувеличивать. Я всегда считал свою жену обалденной. В хорошем смысле этого слова. В ее присутствии теряешь возможность трезво мыслить. Просто находишься рядом, видишь ее, слышишь и не всегда обращаешь внимание на то, что именно она говорит. Вроде бы надо, а не получается.

К тому времени, как день склонился к вечеру и мы подобрались к моменту вручения настоящих подарков – бумажных, как и полагается в первую годовщину свадьбы, – Эми перестала со мной разговаривать.

– Я люблю тебя, Эми. Ты же знаешь, что люблю, – говорил я ей в спину, лавируя среди удивленных туристов, которые целыми семейными стайками жадно глазели на нас, забыв обо всем.

Эми пронизывала толпу, запрудившую Центральный парк, ловко уворачиваясь от ополоумевших прохожих, и у нее прекрасно получалось – бегуны на роликах, родители на корточках, малыши, едва начавшие ходить, а потому шатающиеся, как пьянчуги, всегда выскакивали только передо мной, мешая идти. Я пытался поймать ее за руку. Она повернулась ко мне с каменным лицом, и я привел единственный довод, показавшийся мне разумным:

– Эми, я не понимаю, почему должен доказывать свою любовь, запоминая все, что ты делаешь, и все, что говоришь? Если я так не поступаю, это не значит, что мне не дорога наша совместная жизнь!

По соседству клоун надувал воздушный шар в виде какого-то зверя, мужчина покупал розу, ребенок лизал мороженое. А у нас рождалась новая, незабываемая традиция – Эми уходила вдаль, оставляя меня за бортом как нечто недостойное усилий. Вот вам и счастливая, в задницу, годовщина.

– Пять лет... небось взбеленится нешуточно, – продолжала Го. – Надеюсь, ты для нее самый лучший подарок приготовил.

– Это дело у меня в списке срочных.

– А что символизирует пятилетний юбилей? Бумага?

– Это первый год – бумажная свадьба, – ответил я.

В конце той мучительной охоты за сокровищами Эми одарила меня шикарным писчим набором: сверху каждого листа вытиснены мои инициалы, а сама бумага такого сливочного цвета, что я боялся испачкать пальцы. В ответ я вручил жене ярко-красного воздушного змея из бумаги, с изображением парка, пикников, теплых летних деньков. Ни ей, ни мне подарок не понравился, мы ждали чего-то другого. Вот такой получился о-генриевский рассказ наоборот.

– Серебряная? – угадывала Го. – Бронзовая? Слоновокостная? Ну, помогай же мне...

– Деревянная. Не знаю, что можно придумать романтического из древесины.

Сью покинула свое место за стойкой, аккуратно сложив газету и оставив рядом с пустым бокалом пятидолларовую бумажку. Когда она вышла, мы с сестрой обменялись грустными улыбками.

– Я придумала, – сказала Го. – Возвращайся домой, трахни ее так, чтобы мозги через уши вылезли, а потом дай ей по морде хером и скажи: «Лучший подарок для бляди – палка!»

Мы захохотали, а после почти одновременно покраснели. Такие скабрзные шутки не для сестер, и Го просто наслаждалась, швыряя мне их, как гранаты. Именно поэтому в школе ходили слухи, что мы любовники. Близнецовый инцест. Со стороны казалось, мы ведем себя слишком интимно: свои особые шуточки, перешептывание на вечеринках и тому подобное. Я не уверен, стоит ли об этом распространяться, но, чтобы не быть неверно истолкованным, скажу: мы с сестрой никогда не были любовниками и даже мысли об этом не возникало. Просто мы очень близкие друзья.

Го устроила целую пантомиму, изображая, как я трахаю жену.

Они с Эми нипочем не смогли бы подружиться. Каждая стремилась завоевать полное господство на облюбованной территории. Го привыкла занимать место альфа-самки в моей жизни, а Эми привыкла быть альфа-самкой вообще по жизни. Для людей, успевших пожить в одних и тех же городах – вначале в Нью-Йорке, а потом здесь, – они почти не знали друг друга. Порхали по моей судьбе вышколенными театральными актрисами: одна взбегает на сцену, другая спускается с противоположной стороны. А если вдруг оказывались одновременно в одном месте, то обе моментально замыкались.

Прежде чем мы с Эми узаконили отношения, я время от времени слышал отзывы Го:

«Это странно, но я никак не могу разобраться, что это вообще за человек».

Или:

«Ты просто на себя не похож, когда она рядом».

И еще:

«Есть существенная разница между любовью к женщине и любовью к придуманному образу женщины».

И наконец:

«Очень важно, сможет ли она сделать тебя счастливым».

Тогда Эми удалось сделать меня счастливым.

И она выразила собственные постулаты, что касается Го:

«В ней чересчур много миссурийского, не находишь?»

Или:

«Тебе нужен особый настрой для нее».

И еще:

«Она не слишком нуждается в тебе, но, сдастся, больше у нее никого нет».

Я рассчитывал, что они сблизятся, когда мы вернемся в Миссури, забудут разногласия ради того, чтобы быть рядом со мной. Ни одна не попыталась. Го была юморнее, чем Эми, поэтому борьба между ними велась не на равных. Эми умна, проницательна и саркастична. Она могла разозлить меня, могла отпустить тонкую остроту, зато Го всегда заставляла меня смеяться. А это опасно, когда человек заставляет тебя смеяться над собственной женой.

– Го, я думал, мы договорились, что ты не будешь упоминать мои гениталии всуе, – сказал я. – С учетом наших родственных отношений у меня вообще нет никаких гениталий.

Зазвонил телефон. Го хорошенько приложила к пиву, закатила глаза и улыбнулась.

– Конечно он здесь, секундочку! – И для меня изрекла: – Карл!

Карл Пелли жил через дорогу от нашего с Эми дома. Вышел на пенсию три года назад. Развелся два года назад. Приехал в наш пригород сразу после развода. Раньше он был коммивояжером – товары для детских праздников, – и я догадывался, что он, сорок лет прокантовавшись по мотелям, ощущал себя дома не вполне уютно. В бар он заходил каждый день с

пакетом острых гамбургеров «Харди» и жаловался на отсутствие денег до тех пор, пока я не предложил ему наливать первый стакан за счет заведения. Просто я узнал о Карле еще кое-что: он был безобидным, но неизлечимым алкоголиком. Ему хватило благоразумия поверить, что мы не пытаемся слить в него просроченные напитки, хотя поначалу подобные предположения имели место. Целый месяц Карл не пил ничего, кроме «Зимы» года этак 1992-го, в пыльных бутылках, которые мы обнаружили в подвале. Когда тяжелое похмелье удерживало старика дома, он обязательно находил повод для звонка.

«Ники, у вас почтовый ящик переполнен. Может, посылка пришла?»

«Ники, дело к дождю, а у вас окна открыты. Может, стоит их закрыть?»

Каждый раз причина была вымышленной. Просто Карлу позарез хотелось услышать перезвон бокалов, бульканье выпивки.

Я потряс возле трубки стакан с колотым льдом, так чтобы Карл мог вообразить порцию джина.

– Привет, Ники, – раздался блеклый голос. – Извините за беспокойство. Я просто подумал, нужно вам сообщить: двери вашего дома нараспашку и кошка на улице. Наверное, так не должно быть...

Я уклончиво хмыкнул.

– Я бы сходил и проверил, – продолжал Карл, – но мне слегка нездоровится.

– Не переживайте, – ответил я. – Мне уже все равно пора возвращаться.

* * *

Путь по Ривер-роуд, ведущей прямо на север, занял у меня не больше пятнадцати минут. Иногда, въезжая в наш пригород, я невольно вздрагиваю. Слишком много домов прячутся пустыми глазницами окон – дома, что никогда не знали хозяев, или дома, имевшие владельцев, но видевшие их изгнание. Дома, ставшие пустыми, обезлюдившие.

Когда мы с Эми переехали сюда, немногочисленные соседи соизволили нас навестить. Одинокая мамаша трехлетнего карапуза пришла со сковородой. Молодой отец тройни прибыл с упаковкой пива (его жена осталась дома с малышами). Заглянула пожилая верующая пара из ближайшего дома. И – куда же без него? – приплелся Карл из дома напротив. Мы сидели на задней веранде и любовались рекой. Обсуждали невеселые вещи: ипотечный кредит с плавающей ставкой, кредиты под нулевой процент, нулевую предоплату. Потом все обратили внимание, что только у нас с Эми есть выход к реке, зато нет детей.

– Всего лишь вдвоем? В таком большом доме? – удивилась одинокая мамочка, выдавая каждому порцию яичницы-глазуньи.

– Всего лишь вдвоем, – подтвердил я с улыбкой, отправляя в рот полужидкий желток.

– Вам будет одиноко.

Тут она не ошиблась.

Четыре месяца спустя мадонна с младенцами проиграла свою ипотечную войну и исчезла посреди ночи. Их дом так и остался пустовать. На окне гостиной все еще красовалась бабочка, нарисованная детской рукой. Яркие цвета фломастеров «Мэджик» медленно выгорали на солнце. Однажды вечером, недавно, возвращаясь домой, я заметил позади картинки бородатое и грязное лицо, колыхающееся в темноте, как печальная аквариумная рыба. Он догадался, что я его вижу, и скрылся в глубине дома. На завтра я оставил бумажный пакет с сэндвичами на нижней ступеньке крыльца. Еда простояла неделю нетронутой, превращаясь в вонючую кашу на жарком солнце, пока я не выбросил эту гниль.

Царила тишина. В нашем пригороде всегда тишина. Только я приближался к дому под урчание автомобильного двигателя. Кот действительно сидел на ступеньках. Все еще на ступеньках, через двадцать минут после звонка Карла. Вот это уже странно. Эми любила кота.

Она удалила питомцу когти и никогда не выпускала его из дому. Все потому, что усатая тварь по кличке Бликер отличалась умильностью и чрезвычайной глупостью. Несмотря на чип слежения, упрятанный в жирных волосатых складках, он бы моментально исчез навсегда, оказавшись на улице, и хозяйка это прекрасно знала. Кот проковылял бы напрямик к Миссисипи – пум-пурум-пум-пум – и поплыл бы вниз по течению, к Мексиканскому заливу, чтобы свести счеты с жизнью в брюхе голодной акулы-быка.

Хотя вряд ли. Ему не хватало мозгов, чтобы спуститься хотя бы по лестнице. Бликер торчал на краю крыльца – толстый, но гордый часовой, а может, олицетворение лени.

Когда я покинул автомобиль, Карл появился на ступеньках своего дома. Так я и шел, ощущая на себе взгляды старика и кота, вдоль ряда красных пионов, сочных и мясистых, хоть рви да ешь.

Я уже отрезал было коту путь к бегству, как вдруг увидел, что дверь открыта. Карл не сказал, насколько широко, но теперь я отлично разглядел. Не приоткрыта, типа «я выскочила на минутку выбросить мусор», а распахнута настежь и зловеще зияет.

Карл, ожидая моего ответа, застыл по ту сторону дороги как некое гротескное произведение изобразительного искусства, и я чувствовал, что надо притвориться Озабоченным Мужем. Постояв на середине лестницы, я нахмурился, а потом взбежал, перешагивая через две ступеньки и выкрикивая имя жены.

Ответом было молчание.

– Эми, ты дома?

Я поднялся в верхние комнаты. Никакой Эми. Гладильная доска разложена, на ней включенный утюг.

– Эми!

Я спустился бегом, заметив через открытую дверь, что Карл никуда не делся – таращится, упирая руки в боки. Завернув в гостиную, я нажал кнопку выключателя. На ковре сверкали осколки стекла от кофейного столика. Тумбочки опрокинуты, книги рассыпались по полу на манер игральных карт. Даже тяжелая антикварная оттоманка лежала кверху брюхом, короткие толстые ножки торчали, как у мертвого зверя. А посреди всего этого беспорядка валялись блестящие ножницы.

– Эми!

Я носился по дому, выкрикивая ее имя. Через кухню, где кипел чайник, в подвал, потом в пустую гостевую комнату, наконец выскочил наружу через черный ход. Пересек задний двор и взбежал на узкий лодочный причал. Перегнулся через край, чтобы убедиться: ее нет в нашей лодке. Однажды я нашел ее там, лежащую лицом к солнцу, с закрытыми глазами. Тогда я долго любовался женой красотой на фоне сказочной реки, а потом Эми неожиданно открыла голубые глаза, но ничего не сказала. Промолчал и я. Просто развернулся и ушел в дом.

– Эми!

Ее не было на реке, ее не было в доме, ее не было нигде.

Эми исчезла.

Эми Эллиот
18 сентября 2005 года
Страницы дневника

Ну надо же. Угадайте, кто вернулся? Ник Данн, парень с бруклинской вечеринки, целующийся в сахарном облаке и исчезающий. Восемь месяцев, две недели и два дня – просто слов нет. А потом вдруг снова появляется, будто так и было задумано. Рассказывает, что потерял номер моего телефона. Записной книжки в кармане не оказалось, поэтому он записал на старом билете, сунул билет в карман джинсов и постирал. В результате бумажка превратилась в мокрый комочек целлюлозы, удалось различить только цифры 3 и 8. (Это он так утверждает.)

Потом вдруг работа поглотила его без остатка, а когда отпустила, был уже март – так поздно, что он постеснялся меня разыскивать. (Это он так утверждает.)

Конечно, я разозлилась. Ух как я разозлилась! Но сейчас не в этом дело. Позвольте мне реконструировать событие. (Это я говорю.) Сегодняшний день. Сентябрьские порывистые ветры. Время обеденное; я иду по тротуару Седьмой авеню и плотоядно созерцаю контейнеры в витринах закусочных – бесконечные пластиковые упаковки с нарезанной дыней обыкновенной, дыней канталупой, дыней медовой (лежат себе на льду, как дневной улов рыболовецкого судна) – и вдруг чувствую, как меня обгоняет человек, а потом краем глаза замечаю: опа! Это же он! Парень из «Я познакомилась с мальчиком!».

Не сбавляя шага, вы поворачиваетесь к нему и говорите:

а) Я вас знаю? (Сдержанно, но с вызовом.)

б) Ну ничего себе! Я так рада тебя видеть! (Безвольно, как половая тряпка.)

в) Убирайся и займись онанизмом. (С горькой злостью.)

г) Приветик, Ник, ты ведь никуда не торопишься? (Легко, игриво, непринужденно.)

Ответ: г).

И вот теперь мы вместе. Вместе, вместе! Так легко и хорошо.

Он поинтересовался, найдется ли у меня свободное время. А оно найдется! Просто вчера вечером состоялась презентация книги моих родителей. «Удивительная Эми и главный день». Ух! Ранд и Мэрибет не устояли. Если уж они не смогли выдать замуж свою дочь, то выдали ее тезку! Да, это двадцатая книга. Удивительная Эми теперь замужняя дама. Ы-ы-ы-ы... Кому это понравится? Никто не хотел, чтобы Удивительная Эми выросла, а я – меньше всех. Раста предоставьте мне, а ее законсервируйте вместе с гольфами и бантиками, мое литературное альтер эго, живущее под обложкой дешевого покетбука, моего мистического двойника, которого все принимают за меня.

Но Эми – хлеб с маслом для семейства Эллиот, она служила нам верой и правдой, поэтому предки решили, что я не смею завидовать ее счастью. Само собой, она вышла замуж за старого доброго Способного Энди, и они будут жить, как мои родители, – долго и счастливо.

Омрачил атмосферу праздника только невероятно малый стартовый тираж. В восьмидесятих каждая новая «Удивительная Эми» обычно выходила по сто тысяч экземпляров. Сейчас только десятка. Потому презентация не отличалась особым размахом. А это, прямо скажем, неприлично. Каков, по-вашему, должен быть банкет в честь вымышленного персонажа, которого выпустили в жизнь шестилетней малюткой и благополучно довели до возраста тридцатилетней невесты, а она все еще разговаривает как ребенок? «Фу-ты! – подумала Эми. – Мой дорогой женишок наверняка становится жутким брюзгой, когда не получает желаемого...»

Серьезно, это цитата. А целиком текст вызывает желание хорошенько врезать коленом прямо в непорочное влагище моей тетки. Книжка – для ностальгирующих теток, которые выросли на приключениях Удивительной Эми, но мне почему-то кажется, что вряд ли они захотят читать новинку. Я-то, конечно, прочла. И дала рукописи свое благословение, как это уже случалось много раз. Ранд и Мэрибет опасались, что я могу расценить брак Эми как насмешку над моим собственным сидением в девках. «Я, между прочим, придерживаюсь мнения, что женщина не должна выходить замуж раньше тридцати пяти», – заявила моя мама, окрутившая папу в двадцать три года.

Мои родители всегда переживали, что я могу принять образ Эми слишком близко к сердцу, – не читай о ней слишком много, говорили они. И все же я заметила, что всякий раз, когда я пасую перед чем-то в жизни, Эми с честью выходит из сложной ситуации. В двенадцать лет я окончательно забросила скрипку, а Эми в следующей книге предстала как музыкально одаренная личность. («Фу-ты... Скрипка – это, конечно, тяжелый труд, но тяжелый труд закаляет тело и душу!») В шестнадцать я сорвалась с чемпионата по теннису среди юниоров, чтобы провести выходные с друзьями на берегу моря, и вскоре Эми нашла себя в спорте. («Фу-ты... Мне, конечно, нравится отдыхать с друзьями, но я же подведу себя и команду, если не появлюсь на турнире».) Обычно это бесило меня страшно, но после поступления в Гарвард (кстати, Эми тоже безошибочно выбрала альма-матер моих родителей) мне все стало казаться слишком нелепым, чтобы заморачиваться. Раз уж мои родители, оба детские психологи, выбрали по отношению к родному ребенку подобного рода пассивную агрессию, то пускай они и варятся в собственной глупости, а я буду прикалываться над ними. И над всем остальным.

Презентация показалась мне такой же шизофреничной, как и книга. Проходила она в «Блюайте», возле Юнион-сквера, полутемном салоне с гнутыми стульями и зеркалами в стиле ар-деко, – предполагается, что они заставят вас почувствовать себя Яркой Молодой Штучкой. Джин и мартини на покачивающихся подносах в руках у официантов с приклеенными улыбками. Жадные журналисты усмеваются и переминаются с ноги на ногу в ожидании халявного хавчика и бухла – напьются-нажмутся и свалят куда-нибудь еще.

Мои родители прохаживаются по салону рука об руку, история их любви неразделима с историей Удивительной Эми. Супружеская пара, чей творческий процесс плодотворен на протяжении четверти века. Родственные души. Так они называют себя, и в этом есть немалая доля истины. Могу поручиться, поскольку изучаю их много лет, с самого детства. В их общении нет острых углов, никаких конфликтов; они движутся по жизни будто сросшиеся медузы – инстинктивно расширяются и сжимаются, плавно перетекая в полости друг друга.

Говорят, что ребенка из распавшейся семьи ожидают тяжелые испытания, но и ребенка от идеального, волшебного брака подстерегают свои ни с чем не сравнимые трудности.

Само собой, мне приходится восседать на бархатной банкетке в углу зала, вдали от суеты, поэтому я могу дать интервью жалкой кучке журналистов-стажеров, которые получили от редакторов задание «поймать цитату».

*Что вы почувствовали, когда узнали, что Эми выходит замуж за Энди?
Ведь вы все еще не замужем?*

Этот вопрос я услышала от:

а) придурковатого лупоглазого юнца, кое-как водрузившего ноутбук на сумку;

б) разодетой зализанной фифы на шпильках фасона «поимей меня»;

в) рьяной татуированной девчонки в прикиде рокабилли, которая оказалась куда внимательнее к судьбе Эми, чем я могла бы ожидать от поклонников этой музыки;

г) все вышеупомянутые.

Ответ: г).

Я сказала:

– О, я так рада за Эми и Энди, я желаю им счастья. Гы-гы-гы...

А вот мои ответы на прочие вопросы. В случайном порядке.

– Да, некоторые черты Эми списаны с меня, а остальное – творческий вымысел.

– Да, я сейчас одинокая и успешная. Никакого Способного Энди в моей жизни нет.

– Нет, я не думаю, что в книге об Эми упрощаются отношения мужчин и женщин.

– Нет, я не могу сказать, что «Удивительная Эми» – однодневка. Она ближе к классике.

– Да, я сейчас одинока. Никакого Способного Энди в моей жизни нет.

– Почему Эми Удивительная, а Энди всего лишь Способный? Да ладно, разве вы не знаете многих успешных, даже обалденно успешных женщин, связавших свою жизнь с Простым Джо или Способным Энди? Это шутка, не записывайте...

– Да, я одинока.

– Да, мои родители – родственные души, можно и так сказать.

– Да, я хочу, чтобы однажды это произошло со мной.

– Да, я не замужем, козлина...

И снова одни и те же вопросы, и так много раз. Я пыталась притворяться, что репортеры заставляют меня задуматься. Они пробовали притворяться, что я заставляю задуматься их. Хвала Господу за бесплатные напитки.

А потом вдруг – надо же, как скоро! – оказывается, что больше нет охотников со мной говорить. Больше никто не хочет со мной говорить. И девушка, специалист по пиару, притворяется, что это и к лучшему: а теперь можете наслаждаться приемом. Я ввинчиваюсь в жиденькую толпу, где мои родители работают на публику. Их лица сияют – Ранд улыбается, показывая зубы, словно доисторическое чудовище, Мэрибет бодро кивает, напоминая курочку. Они стоят рука об руку, смеются вместе, радуются вместе, трепещут вместе. А я подумала: как же отвратительно я одинока.

Я шагаю домой, всхлипывая время от времени. Мне почти тридцать два. Не старуха, особенно для Нью-Йорка, но факт остается фактом – прошли уже годы с того времени, как я по-настоящему кому-то нравилась. Вполне вероятно, что я встречу кого-нибудь и полюблю, но все меньше и меньше шансов, что я полюблю достаточно сильно, чтобы выйти замуж. Я устала гадать, с кем я буду рядом, да и буду ли с кем-то?

У меня много друзей, состоящих в браке. Не тех, кто счастлив в браке, а просто много друзей женаты или замужем. Счастливых, подобно моим родителям, из них очень мало.

Они так сокрушаются по поводу моего одиночества! Еще бы! Умная, симпатичная, милая девушка, с разносторонними интересами и увлечениями, с крутой работой и любящими родителями. И скажем так, при деньгах. Они хмурят брови и притворяются, что подумают, с каким бы мужчиной меня познакомить. Но все мы знаем: знакомить не с кем, всех хороших давно разобрали. И я догадываюсь: тайком они полагают, будто что-то не так со мной, какой-то изъян не позволяет мне удовлетворять мужчин, а им не позволяет удовлетворить меня.

Те, кто не живут душа в душу, а просто пристроились, сокрушаются еще больше. Так не бывает, говорят они, чтобы не найти себе пару. Отношения между полами далеки от совершенства – кто-то притворяется влюбленным, чтобы было с кем спать, кому-то нужен собеседник или просто человек, рядом с которым можно смотреть телевизор, кто-то расчетливо подчиняется супругу – да, сладкий мой, конечно, сладкий мой, – и на все согласен. «Он выполняет твои просьбы, – думаю я, – просто потому, что не дает себе труда задуматься и возразить. Твои мелкие требования для него обременительны и унижительны, и однажды он переспит с хорошенькой молодой сотрудницей, которой от него ничего не надо, а твое сердце будет разбито». Нет, мне подавай мужчину, не уходящего от борьбы, мужчину, который не будет тыкать меня носом в мои слабости, но такого, кому мои слабости будут нравиться хоть немного. И еще.

Не надо подталкивать меня к тому виду взаимоотношений, когда супруги постоянно клюют друг друга, маскируя оскорбления под шутки, а сами закатывают глаза или когда «понарошку» цапаются в присутствии друзей, стараясь перетянуть их на свою сторону конфликта. Ужасные отношения «если бы только». «Этот брак был бы счастливым, если бы только...» Думаю, вы и сами можете продолжить список, который получится на удивление длинным.

Таким образом, я понимаю, что не обязана вступать в брак, но от этого мне не легче. Поскольку все мои подруги уже замужем, я провожу пятничные вечера дома, в одиночестве, за бутылкой вина и экзотической едой собственного приготовления. Вроде бы прекрасно – как будто я сама себе идеальная пара. А потом блуждаю по бесконечным вечеринкам и барам, вооруженная идеальным макияжем и многообещающей парфюмерией, и предлагаю себя как необычный десерт. Я желаю встретиться с мужчиной симпатичным и умным, с совершенным мужчиной, но чувствую себя так, будто нахожусь за границей и пытаюсь объясниться, добиваясь, чтобы меня поняли и узнали. Разве не это суть любых взаимоотношений: понять кого-то, быть понятым самому? «Он меня понимает. Она меня понимает». Разве это не то самое заклинание?

Потом весь вечер вы страдаете с якобы совершенным мужчиной – оттого, что ваши шутки могут быть неверно истолкованы, остроумные замечания идут со скрипом или застревают совсем. А бывает так – он понимает, что вы пошутили, но не знает, что ответить, и держит вашу хохму на ладони, как отхаркнутую словесную мокроту, чтобы позже тайком вытереть о брючину. И вы битый час пытаетесь познакомиться поближе, узнать друг друга получше и выпиваете больше, чем следовало бы. В конце концов возвращаетесь домой, в холодную постель, и думаете: «Ничего, все нормально». И вся ваша жизнь – длинная цепочка из таких вот «нормально».

И вдруг вы нарываетесь на Седьмой авеню на Ника Данна, когда собираетесь купить нарезанную кубиками дыню... И бах! Вы знаете, что подходите друг другу. Причем вы оба. У вас общие воспоминания: «Маслина там, правда, только одна, но все-таки...» Сердца ваши бьются в унисон. Тук-тук. Вы подходите друг другу. И внезапная картина перед мысленным взором: чтение в постели и вафли по воскресеньям, смех без причины и его губы прижаты к вашим. И не хочется больше возвращаться к чередке «нормально». Да и не получится. Вы думаете: «Это на всю оставшуюся жизнь. Вот оно наконец».

Ник Дани Тот день

Вначале я дожидался полицейских на кухне, но от вони сгоревшего чайника так першило в горле, что я с трудом удерживался от рвоты. Поэтому пришлось перебраться на крыльцо, где я уселся на верхнюю ступеньку, заставляя себя сохранять спокойствие. И по-прежнему не оставлял попыток вызвать Эми по мобильному телефону. Получал голосовые сообщения от автоответчика, что она перезвонит, как только сможет. Эми всегда перезванивала. Прошло три часа, я оставил пять сообщений, но моя жена так и не перезвонила.

Я не ждал ее возвращения. Так мог и полиции заявить. Эми никогда бы не оставила чайник на плите. Или дверь нараспашку. И не бросила бы недоглаженную вещь. Эта женщина изойдет на дерьмо, но никогда не бросит начатого проекта – дрессировку мужа-раздолбая, к примеру. На фиджийском пляже в наш медовый месяц, туча тучей, она продралась через миллион страниц «Хроник заводной птицы», бросая уничижительные взгляды на меня, поглощавшего в это время триллер за триллером. После нашего возвращения в Миссури, после потери работы ее жизнь свелась к бесконечной череде мелких и, в общем-то, бессмысленных дел. Платье было бы отутюжено обязательно.

И еще следы в гостиной, которые, вне всяких сомнений, свидетельствовали о борьбе. Я знал, что Эми не позвонит. Я ждал начала следующего акта драмы.

Наступало самое лучшее время дня. В июльском небе ни единого облачка. Медленно садящееся солнце направляло лучи на восток, делая пейзаж золотистым и хмельным, как на полотнах фламандских живописцев. Подъехала полиция. Казалось, я наблюдаю картину со стороны: я, сидящий на ступеньках, вечерняя птица, поющая в ветвях, и два копа, неторопливо покидающие автомобиль, как будто выбрали на пикник за город. Они выглядели почти детьми, немного за двадцать, самоуверенные и равнодушные, привыкшие успокаивать расстроенных родителей, чьи детишки не вернулись домой к положенному времени. Темноволосая, с длинной косой испанка и чернокожий парень с выправкой морпеха. Пока меня здесь не было, в Карфагене прибавилось цветных, но не сказать чтобы очень. Все еще существует серьезное разделение профессий по цвету кожи. Люди, с которыми я имел дело в повседневной жизни, могли работать экспедиторами, санитарями, почтальонами. Копами. «Этот город такой белый, что не по себе становится», – призналась как-то Эми, которая в бурлящем Манхэттене числила одного афроамериканца в друзьях. В ответ я обвинил ее в показушной мультикультурности, в использовании этнических меньшинств в качестве фона, но успеха не добился.

– Мистер Дани? – заговорила женщина. – Я офицер Веласкес. Это офицер Риордан. Как мы понимаем, вы беспокоитесь о своей жене?

Риордан свысока озирает окрестности, посасывая леденец. Я заметил, как его глаза проследили за стремительным полетом птицы над речной гладью. Потом он резко повернулся ко мне. Скривившиеся губы давали понять: он видит то же, что видят и все остальные, – физиономию, по которой так и хочется врезать. Мне, простому парнишке из рабочей ирландской семьи, досталось тело гламурного подонка. Чтобы чуть-чуть смягчить впечатление, я много улыбаюсь, но срабатывает это не всегда. В колледже я даже заказывал очки с простыми, без диоптрий, стеклами, рассчитывая придать себе приветливый вид, не вызывающий агрессии. «Ты что, не врубаешься, что стал еще членообразней?» – спросила Го, после чего я выкинул очки и стал улыбаться старательнее.

– Зайдите в дом и посмотрите сами, – махнул я копам.

Они поднялись по ступенькам, сопровождаемые писком переговорных устройств и поскрипыванием форменных ремней. Стоя на пороге гостиной, я указал на разгром.

– О! – воскликнул офицер Риордан и хрустнул пальцами.

Скуку с него как рукой сняло.

* * *

Риордан и Веласкес уселись за обеденный стол и, склонившись над бумагами, задали мне все полагающиеся предварительные вопросы: кто, где, как долго? Их уши, что называется, стояли торчком. Выслушав меня, патрульные сделали звонок, и Риордан сообщил, что следователи выехали. Что ж, имею основания гордиться: мои слова приняты всерьез.

Когда Риордан, дважды спросив, не видел ли я в течение дня поблизости от дома каких бы то ни было незнакомцев, третий раз напомнил о группе карфагенских бродяг, позвонил телефон. Рванувшись через комнату, я схватил трубку.

– Мистер Данн, – сообщил угрюмый женский голос, – это пансионат «Комфорт-Хилл»...

В этом заведении мы с Го поселили нашего отца, страдающего от болезни Альцгеймера.

– Я не могу говорить, перезвоню позже! – рявкнул я и повесил трубку.

Администраторша «Комфорт-Хилла», не улыбаясь, некоммуникабельная, вызвала у меня отвращение.

Скорее всего, нехватка денег, проклятая нехватка денег являлась причиной того, что персонал никому не создавал комфорта и даже не улыбался. Я понимал, что зря злюсь на этих людей. Просто меня бесила одна лишь мысль, что отец все еще на этом свете, тогда как мама лежит в земле.

Согласно очередности, в этом месяце чек должна была отправлять Го. И я уверен, что июль – ее месяц. Впрочем, как уверен и в том, что она уверена: в июле очередь моя.

Го как-то сказала, что мы, должно быть, подсознательно забываем посылать по почте чек, поскольку не хотим вспоминать о человеке, который является нашим отцом.

Когда я рассказывал Риордану о незнакомце, которого видел в брошенном соседями доме, позвонил дверной звонок. Мне этот звук показался таким будничным, как если бы я ждал разносчика пиццы.

Вошли два бесконечно усталых детектива. Мужчина стройный, даже тощий, с лицом, сужающимся к подбородку, как капля. Женщина показалась мне жуткой уродиной – просто ходячий кошмар. Круглые глазки, как пуговицы, длинный нос, кожа вся в черных точках, длинные жидкие волосы цвета извальявшегося в пыли кролика. Меня растили три женщины: бабушка, мама и ее сестра. Они всегда были веселыми и здоровыми, ладными и крепкими. Но красавицами их никто бы не назвал. Эми стала первой красивой женщиной в моей жизни.

Уродливая заговорила, почти слово в слово повторяя офицера Веласкес:

– Мистер Данн? Я детектив Ронда Бони. Это мой напарник, детектив Джим Джилпин. Как мы поняли, вы беспокоитесь насчет своей жены?

Мой желудок довольно громко заурчал в ответ, но все притворились, что не услышали.

– Мы осмотримся тут, сэр? – проговорил Джилпин.

Я обратил внимание на тяжелые мешки под его глазами и седину в усах. Рубашка не была измятой, но сидела на нем криво; казалось, от него должно вонять сигаретами и дешевым кофе, хотя он пах мылом «Диал».

Я провел их до гостиной и указал еще раз на следы погрома, среди которых копошились на коленях двое молодых копов, как будто рассчитывали найти что-то важное. Бони указала мне на кресло в столовой, подальше от признаков борьбы.

Там Ронда Бони, не спуская с меня внимательных воробьиных глазок, обрушила на мою голову ту же череду вопросов, что немного раньше – Веласкес и Риордан. Тем временем Джилпин ползал на коленях, изучая гостиную.

– Вы позвонили друзьям или родственникам, к которым ваша жена могла отправиться в гости?

- Я... нет, еще нет... Мне казалось, надо дождаться вас.
- О?! – Бони улыбнулась. – Позвольте, я угадаю – родительский любимчик.
- Что?
- Вы в детстве.
- У меня есть сестра-близнец.

Я ощутил, как что-то внутри сжалось. Почему? Любимая ваза Эми лежала на полу целая и невредимая, закатившись под стену. Свадебный подарок. Работа японских мастеров, моя жена прятала вазу раз в неделю перед приходом уборщика, опасаясь, что он разобьет.

– Это только мое предположение – почему вы ждали нас. Привыкли, что кто-то всегда берет на себя ответственность, – сообщила Бони. – Примерно как мой младший брат. Все зависит от того, кто за кем родился. – Она небрежно черкнула в блокноте.

– Ладно. – Я сердито пожал плечами. – Вам сказать, кто я по гороскопу, или приступим к делу?

Но Бони, любезно улыбаясь, молчала и смотрела.

– Я ждал вас, чтобы начать поиски, потому что она наверняка не в дружеской компании. – Я указал на беспорядок в гостиной.

- Мистер Данн, вы живете здесь два года? – спросила сыщица.
- В сентябре будет два.
- А приехали откуда?
- Нью-Йорк.
- Город?
- Да.

Она указала вверх, безмолвно спрашивая разрешения. Я кивнул и пошел следом. Джилпин двинулся за нами.

- Там я был писателем, – ляпнул я, прежде чем успел прикусить язык.
- Даже спустя два года я не хотел, чтобы люди знали, каково мне жилось в Нью-Йорке.
- Бони:

– Звучит солидно.

Джилпин:

– О чем писали?

Я растянул ответ, поднимаясь.

– Я писал для журналов (ступенька), писал о поп-культуре (ступенька), писал для мужских журналов (ступенька).

Наверху я обернулся и увидел, что Джилпин смотрит в сторону гостиной.

– Поп-культура? – переспросил он и пошел вверх. – Что это?

– Популярная культура, – ответил я. Бони терпеливо нас дождалась. – Кинофильмы, телевидение, музыка, но знаете... не высокое искусство, не претенциозное.

Я поморщился. Претенциозное? Высокопарно получилось. Нужно, наверное, перевести этим простакам с моего английского тире впитанного на Восточном побережье, на их английский тире народный говор Среднего Запада. «Ну, я позырю кинишко и чего-нибудь настрочу про него, типа мнение».

- Она любит кино, – заявил Джилпин, указывая на Бони.
- Ага, люблю, – кивнула она.
- Сейчас я хозяин «Бара» в центре города, – сообщил я.

Хотел добавить, что немного преподаю в колледже, но вдруг показалось, что говорить об этом сейчас было бы лишним.

Бони заглянула в ванную комнату, оставив меня и Джилпина в коридоре.

– «Бар»? – говорила она. – Я знаю это заведение. Туда хочется заглянуть. Очень правильное название. Звучит как-то так...

– Похоже на умный ход, – подсказал Джилпин.

Бони зашагала к спальне, мы потянулись за ней.

– Жизнь среди пива не так уж плоха, – сказала она.

– Иногда ответ находят на дне бутылки, – заметил я и поморщился – так неуместно это прозвучало.

Мы вошли в спальню.

– Ну, это не про меня, – хихикнул Джилпин.

– Видите, как уютно стоит? – спросил я.

Бони кивнула, распахнула двери нашей гардеробной и, включив свет, принялась шарить между платьями и рубашками. Вдруг она неразборчиво буркнула и, нагнувшись, подняла коробку, тщательно обернутую серебристой бумагой.

Мои кишки свернулись в узел.

– Чей-то день рождения? – спросила она.

– Годовщина нашей свадьбы.

Бони и Джилпин дернулись, как пауки, но притворились, что ничего не было.

* * *

К тому времени, как мы вернулись в гостиную, молодые офицеры уже ушли. Джилпин опустился на колени, пожирая глазами перевернутую оттоманку.

– Гм... – заговорил я. – Кажется, у меня мандраж...

– Я вас ни в чем не обвиняю, Ник, – сказал Джилпин.

Его бледно-голубые глаза сковывали, лишали воли.

– Что-то можно сделать? Ну, чтобы найти мою жену. Я имею в виду, раз она явно пропала...

Бони подошла к свадебному портрету на стене: я в смокинге, улыбка в тридцать два зуба приклеилась к лицу, рука неестественно обнимает Эми за талию; белокурые волосы моей жены завиты и распушены, ее фату вздымает бриз Кейп-Кода, глаза открыты чересчур широко, потому что она всегда в последний миг моргала и сдерживалась изо всех сил. Прошли всего сутки после Дня независимости – запах серы от фейерверков смешивался с ароматом моря. Лето.

На мысе было прекрасно. Я хорошо помню, как за несколько месяцев до того обнаружил, что Эми, моя подруга, весьма богата, что она единственный ребенок в семье очень талантливых авторов. Своего рода икона, на которую я молился с детства посредством книжной серии о ее тезке – «Удивительной Эми». Она рассказала о себе спокойным, будничным тоном, как будто я только что вышел из комы. Как будто ей часто приходилось говорить эти слова раньше и всякий раз с аховым результатом, – возможно, о богатстве она рассказывала бы с большим энтузиазмом, если бы не понимала, что сама не слишком много усилий потратила для его достижения.

Эми выложила свою подноготную, а потом мы отправились к Эллиотам в дом на берегу Нантакет-Саунда, который является официально зарегистрированным историческим памятником, а оттуда махнули поплавать на яхте, и я думал: «Я, парень из Миссури, лечу над океаном с людьми, которые видели куда больше моего. Даже если начну сейчас навестывать, будучи взрослым, то все равно не наверстаю». Но это не вызывало ревности, напротив, была радость. Я никогда не стремился к богатству или славе. Мои родители не были великими мечтателями, они не видели в своем чаде будущего президента. Нет, мои прагматичные предки прочили мне карьеру средней руки клерка, более или менее зарабатывающего на жизнь. И мне с головой хватало близости к Эллиотам, катания с ними по Атлантике и возвращения в их шикарно отреставрированный дом, который в 1822 году построил капитан китобойного судна;

и там я буду есть экологически чистые продукты, названий которых мне даже не выговорить. Например, киноа. Помню, я предположил, что киноа – это рыба.

Мы играли свадьбу на пляже в густо-синий летний день, ели и пили под белоснежным тентом, полоскавшимся, как парус, а через несколько часов я увлек Эми во тьму, поближе к волнам, потому что все казалось совершенно волшебным, а сам я как будто превратился в мерцающий свет. Касаясь кожи, прохладный туман вернул меня в реальный мир, а Эми вернула меня в золотистое сияние под тентом, где небожители вкушали амброзию. И наши взаимоотношения были ровней этому празднику.

– А у вас очень симпатичная жена. – Бони наклонилась, чтобы рассмотреть Эми получше.

– Да, она красавица, – ответил я, прислушиваясь к веселому урчанию живота.

– Которая у вас годовщина?

– Пятая.

Я переминался с ноги на ногу, желая, чтобы хоть что-то делалось. Меня не устраивало, что сыщики обсуждают достоинства моей жены, – лучше бы они пошли и отыскиали мою долбаную жену. Но я не говорил этого вслух. Я очень часто молчу, даже когда следовало бы высказаться. Держу злость в себе и постепенно нагреваюсь до точки кипения. В погребах моей души хранятся сотни бутылок ярости, отчаяния, страха, но вы никогда не догадаетесь об этом, глядя на меня.

– Пять лет – срок серьезный, – кивнул Джилпин и спросил: – Позвольте, я отгадаю. Конечно же «Хьюстон»?

Он назвал самый классный ресторан в городе. «Вам в самом деле стоит побывать в „Хьюстоне“, – сказала моя мама, едва мы вернулись из Нью-Йорка. Она считала, что это заведение – настоящая карфагенская жемчужина, способная удовлетворить взыскательные вкусы моей жены.

– Конечно «Хьюстон».

Так я солгал полиции в пятый раз. И это было только начало.

Эми Эллиот-Данн
5 июля 2008 года
Страницы дневника

Меня переполняет любовь! Я опухла от страсти! Я раздулась от преданности! Я счастлива, я шмель брачного энтузиазма. Я непрестанно жужжу вокруг своего мужчины, заботясь и суется. Я получила удивительный статус. Я стала женой. Я обнаружила, что веду безмозглые разговоры – неестественные и бесполезные, но только так я могу произнести его имя вслух. Я стала женой, я стала занудой, я рассталась с кредитной карточкой Молодой Независимой Феминистки. А мне плевать! Я веду его чековую книжку, я расчесываю ему волосы. Я стала такой старомодной, что, наверное, скоро начну использовать слово «бумажник», выходить из дому в твидовом пальто, мазать губы красной помадой и посещать салон красоты. Но меня это не волнует. Кажется, все имеет значение, любое событие может обернуться забавной историей, рассказанной за обедом. «Дорогой, я сегодня насмерть задавила бомжа, ха-ха-ха! Вот потеха!»

Ник похож на крепкую выпивку – он любому событию дает правильный взгляд. Не дружую точку зрения, а именно правильный взгляд. С Ником я поняла: на самом деле не имеет значения, что счет за электричество будет оплачен на несколько дней позже, а мой последний опросник получился не ахти. (Он называется «Каким бы деревом вы хотели стать?» Я не шучу. Что до меня, то я – яблоня. Но это не имеет значения.) Не имеет значения то, что новая книга об Удивительной Эми провалилась с треском: рецензии злобные, а продажи после вялого старта и вовсе скисли. И не имеет значения, в какой цвет я покрасила стены комнаты, и чем занимаюсь на последней работе, и сколько часов провожу в дороге, и перерабатывается ли мусор, который мы сдаем в переработку. (Нью-Йорк, а ну как на духу: перерабатывается?) Все это не важно, потому что я нашла свою половинку. Это Ник, вальяжный и флегматичный, смысленный, остроумный и не приученный усложнять. Счастливый и незатасканный. Милый. С большим членом.

Все, что мне не нравилось в себе, отодвинулось в дальний уголок подсознания. Возможно, больше всего я люблю в нем то, как он меня создает.

Не пробуждает мои чувства, а именно создает. Я счастлива. Я игрива. Я игрушка. Я чувствую себя счастливой и полностью удовлетворенной. Я жена! Мне непривычно произносить эти слова. (Нет, серьезно, насчет переработки отходов, Нью-Йорк, ты хоть подмигни.)

Мы совершаем всяческие глупости. Например, на прошлых выходных отправились в штат Делавэр, поскольку ни я, ни он ни разу не занимались сексом в Делавэре. Позвольте мне описать эту сцену, чтобы сохранить ее для потомков. Мы пересекаем границу штата, на знаке надпись: «Добро пожаловать в Делавэр!», и еще: «Маленькое чудо», и еще: «Первый штат», и наконец: «Беспошлинная продажа товаров».

В Делавэре живет много богатых людей.

Я указываю Нику на первую попавшуюся грунтовку, мы трясемся пять минут, пока не оказываемся в окружении сосен. Он откидывает спинку водительского кресла. Я задираю юбку. Белье я не надела. Вижу, как его рот приоткрывается, а лицо расслабляется, взгляд твердеет, – так бывает всегда, когда он готов. Я забираюсь сверху, спиной к Нику, упираясь в ветровое стекло. Руль прижимается ко мне, и, когда мы начинаем двигаться, клаксон вторит, попискивая в такт. Мои ладони скрипят по стеклу. Мы с Ником можем заниматься этим где угодно – ни он, ни я не боимся случайных свидетелей. Наоборот, мы скорее гордимся собой. Потом едем обратно. Я закинула босые ноги на приборную панель и грызу копченую говядину.

Мы любим свой дом. Дом, который построила «Удивительная Эми». В смысле, этот домик из бурого песчаника купили для нас мои родители за гонорары. Он стоит на бруклин-

ских ржавых песках, рядом с набережной, широкими окнами глядя прямо на Манхэттен. Его купили мои родители. Это оригинально, это вызывает легкое чувство вины, но не слишком. Я всегда боролась с образом испорченной богатой девочки и старалась многое делать сама.

Мы сами выкрасили стены внутри, потратив два выходных, – «весенняя зелень», «светлая желтизна» и «синий бархат». Получившиеся цвета не отвечают замыслу, но мы притворяемся, что нам нравится. Мы наполняем дом безделушками с барахолки, скупаем пластинки для проигрывателя. Вчера вечером сидели на старом персидском ковре, пили вино и крутили виниловые диски, а небо потемнело, и Манхэттен зажег огни. Тогда Ник сказал: «Так я себе всегда это представлял. Вот именно так я себе все и представлял».

По выходным мы болтаем под четырьмя слоями ткани; желтое, как солнце, стеганое одеяло греет нам лицо. Даже половицы радуют. Две старые доски звонко окликают нас, когда мы идем к дверям. Мне нравится это. Мне нравится, что это наше, что у нас есть целая история покупки старинного торшера или корявой глиняной кружки, которая стоит рядом с кофейником, но в ней никогда ничего не лежало, кроме старой канцелярской скрепки. Я трачу целые дни, чтобы придумать для Ника маленькие радости. Например, покупаю мятное мыло, которое ляжет на его ладонь, как теплый камешек, или готовлю для него форель, как напоминание о том времени, когда он работал на пароходе. Я знаю, что выгляжу смешно. Но мне это нравится, хотя я и помыслить не могла, что стану смешной в угоду мужчине.

Это радость. Я даже восхищаюсь его носками, которые он умудряется оставлять в совершенно невероятных местах, как будто их растаскивает по дому щенок.

Сегодня наша первая годовщина, и меня переполняет любовь. Хотя окружающие продолжают убеждать нас, что первый год семейной жизни очень и очень труден, как будто мы наивные дети, решившие пойти на войну. Вовсе даже не труден. Мы предназначены друг для друга. Сегодня наша первая годовщина, и Ник уйдет с работы сразу после обеда – его ждет подготовленная мной охота за сокровищами. Все ключи касаются нас двоих, наших совместных прошлогодних походов.

Когда замерзнет милый муженек,
Дадим ему вкуснятины глоток.

Ответ: суп том-ям, «Тайтаун», Президент-стрит. Шеф будет ждать нас там с дегустационной тарелкой и следующей загадкой.

А еще «Макманнз» в Чайна-тауне и статуя Алисы в Центральном парке. Грандиозное путешествие по Нью-Йорку. А завершим мы его на Фулстон-стрит, купим на рыбном рынке парочку шикарных омаров. В такси я буду держать контейнер с ними на коленях, пока Ник нервно ерзает рядом. Мы вернемся домой, и я сварю их в новой кастрюле на нашей старой плите, приложив все навыки девочки, которая проводила каждое лето на Кейп-Коде, а Ник будет хихикать и притворяться, что боится морских раков, прячась за кухонной дверью.

Я предложила заказать гамбургеры. Ник хотел выбраться во что-нибудь пятизвездочное, с множеством блюд и чопорными официантами. Так что омары – прекрасный компромисс. А компромисс – это, как нам твердят (твердят и твердят), прежде всего умение уступать друг другу. И это главное в браке.

Мы съедим омаров с маслом и займемся сексом прямо на полу, а джазовая певица со старинной пластинки споет нам далеким, как с другого конца туннеля, голосом. Мы будем медленно пьянеть от любимого виски Ника. А потом я вручу ему подарок – писчий набор, о котором он мечтал, фирмы «Крейн и Ко». На этой бумаге густо-сливочного цвета отлично смотрится четко отпечатанная зеленым, как охотничий камуфляж, санс-серифом монограмма. Необходимая вещь для писателя, преподнесенная женой писателя. Может, и ей достанется пара любовных записок на этой бумаге?

А потом, не исключено, мы снова займемся сексом. А попозже вечером все-таки закажем гамбургеры. И еще хорошего виски. И – вуаля! – мы самая счастливая пара в округе! А еще говорят, что брак – тяжелый труд.

Ник Данн Та ночь

Бони и Джилпин решили перенести нашу беседу в здание полиции, которое больше всего напоминало отделение хиреющего комьюнити-банка. Там меня, совершенно не желающего шевелиться, оставили в покое на сорок минут. Изображать спокойствие – тоже своего рода форма покоя. Я сутулился над столом, опустив подбородок на руки, и ждал.

– Вы не хотите позвонить родителям Эми? – спросила Бони.

– Не хочу пугать их. Но если мы в течение часа не получим никаких известий, то я буду звонить.

Наш разговор пошел по третьему кругу.

Наконец-то копы вернулись и уселись за стол напротив меня. Я с трудом удержался от смеха – настолько происходящее напоминало сериалы, которые крутят по телику. Точно такую же комнату я видел десять лет назад, переключая по вечерам каналы кабельного. Два копа, утомленные и напористые, действовали как киногерои. Сплошная фальшивка. Полиция Диснейленда. Бони держала в руках бумажный стаканчик с кофе и папку – полицейская бутафория. У меня голова закружилась от осознания того, что все вокруг притворяются. Давайте поиграем в «Пропавшую жену»!

– Все нормально, Ник? – спросила Бони.

– Да, нормально. А что?

– Вы улыбаетесь.

Плиточный пол закружился у меня перед глазами.

– Прошу прощения... Просто все это...

– Я знаю, – кивнула Бони, бросая на меня взгляд, напоминавший пощечину. – Все это слишком непривычно. Я знаю. – Она откашлялась. – Прежде всего мы бы хотели убедиться, что вам здесь удобно. Вы нужны нам, чтобы узнать как можно больше. Получить максимум информации. Будет лучше, если мы получим ее прямо сейчас, но вы можете уйти в любое время, я не вижу проблемы.

– Все, что вам угодно.

– Ладно, отлично. Спасибо. Итак, приступим. Для начала я хотела бы устранить все возможные помехи. Если вашу жену похитили – а мы пока не знаем этого наверняка, – то надо поймать виновника и прижать его как следует. Загнать его в тупик.

– Верно.

– Поэтому мы должны вас проверить, это на самом деле довольно быстро и несложно. Чтобы тот парень не смог потом заявить, что мы вами не занимались. Понимаете, о чем я?

Я машинально кивнул, хотя, признаться, не вполне догадывался, к чему она клонит. Но изо всех сил старался показать готовность к сотрудничеству.

– Как скажете.

– Мы не пытаемся обвинить вас, – вмешался Джилпин. – Просто хотим сделать все как положено.

«И начинаете с меня...» – подумал я.

Виноват всегда муж. Это каждый знает. Так почему бы им прямо не сказать: «Мы подозреваем вас, потому что вы муж». Кто виноват? Муж. Да хоть «Дэйтлайн» посмотрите.

– Ладно, отлично, Ник, – сказала Бони. – Для начала мы хотели бы взять мазок с внутренней поверхности вашей щеки, чтобы отделать ваш биоматериал в доме от чужого.

– А это понадобится?

– Не сомневаюсь. Также надо проверить ваши руки, не осталось ли продуктов сгорания пороха. Просто на всякий случай.

– Пойдите, пойдите... Вас что-то наводит на мысль, что мою жену...

– Нет-нет, Ник! – прервал меня Джилпин.

Он придвинул стул к столу спинкой и уселся верхом. Я задумался: все копы так делают? Или какой-то умный актер первый раз устроился в этой позе, а потом полицейские взяли его копировать? Просто потому, что со стороны выглядит круто?

– Это всего лишь положенная процедура, – продолжал Джилпин. – Мы не хотим упустить ни одной мелочи. Проверим ваши руки, возьмем мазок. Надо осмотреть и ваш автомобиль...

– Само собой. Все, что угодно.

– Спасибо, Ник. Мы искренне вам благодарны. Некоторые люди усложняют нам работу просто потому, что имеют такую возможность.

Ну уж я точно прямая противоположность этим ребятам. Отец привил мне в детстве одну неистребимую привычку. Он всегда выискивал, что бы могло его разозлить. Из-за этого моя сестра сосредоточилась на защите и даже не пыталась никогда сделать что-то запрещенное. А меня он превратил в подхалима, пресмыкающегося перед теми, у кого есть малейшая власть. Мама, папа, учителя... «Все, что вам угодно, все, чтобы облегчить вам работу, сэр или мэм». Мне требовался непрерывный поток всеобщего одобрения. «Ты готов на все – на ложь, воровство, черт побери, на убийство, лишь бы убедить людей, что ты отличный парень», – сказала как-то Го. Мы стояли в очереди за кнышами в пекарне «Йохан Шиммель», недалеко от прежней нью-йоркской квартиры моей сестры. Я прекрасно помню этот вечер – аппетит сгинул, будто его и не было. А все потому, что ее слова попали точно в цель. Прежде я не осознавал этого своего качества. И я сказал себе: «Никогда не забуду этот миг, он отложится в моей памяти навечно».

Мы с полицейскими вели почти светскую беседу о фейерверках Четвертого июля и о погоде, а тем временем другие копы проверили мои руки, потеряли ватной палочкой во рту. Ничего особенного, будто к дантисту ходил.

Когда все закончилось, Бони поставила передо мной еще один стаканчик кофе и сжала плечо:

– Прошу извинить. Это наихудшая часть нашей работы. Вы не против ответить прямо сейчас на несколько вопросов? Это в самом деле важно.

– Да, конечно, давайте начнем.

Она положила на стол тонкий цифровой диктофон:

– Не возражаете? Это только для того, чтобы не задавать одни и те же вопросы по несколько раз.

Она хотела записать мои слова, чтобы потом ловить меня на противоречиях. Наверное, следовало обратиться к адвокату, но я всегда считал, что помощь защитников нужна тем, кто действительно совершил преступление.

– Ничего страшного, – кивнул я.

– Итак, Эми... – начала Бони. – Как долго вы живете здесь вдвоем?

– Скоро будет два года.

– И она родом из Нью-Йорка. Города.

– Да.

– Она работала? Нашла работу? – спросил Джилпин.

– Нет. Она привыкла писать персональные опросники.

– Опросники? – переглянулись детективы.

– Для подростковых журналов, для женских журналов, – ответил я. – Хотите узнать, насколько вы ревнивы? Пройдите наш тест, и вы поймете. Парни не обращают внимания? Ответьте на наши вопросы, и станет ясно почему!

– Круто! – восхитилась Бони. – Я люблю такие анкеты. Но не знала, что этим можно зарабатывать на жизнь.

– Уже нельзя. Все, Интернет набит под завязку бесплатными опросниками. Эми работала профессионально. Она имела магистра по психологии... Простите. – Я неловко рассмеялся над своей оговоркой. – Она имеет степень магистра по психологии. Но умное не одержит верх над бесплатным.

– И что дальше?

– Дальше мы перебрались сюда. – Я пожал плечами. – Она постоянно сидела дома.

– О! – чирикнула Бони, будто узнала что-то приятное. – Так у вас есть дети?

– Нет.

– Гм... Тогда чем она занималась с утра до вечера?

Этого я тоже не знал. Моя жена всегда отличалась тем, что постоянно что-то делала, чему-то училась. Когда мы только начали жить вместе, она освоила французскую кухню, показав навыки суперскоростного владения ножом и приготовив говядину по-бургундски. На ее тридцать четвертый день рождения мы отправились в Барселону, и она ошеломила меня, рассыпаясь трелями разговорного испанского, который за несколько месяцев выучила тайком. Эми обладала блестящим ненасытным интеллектом и любознательностью. Но ее одержимость всегда подпитывалась стремлением к состязанию. Ей требовалось ослеплять мужчин, а женщины чтобы лопались от ревности. Конечно, Эми может готовить блюда французской кухни, болтать по-испански, заниматься садом, вязать, бегать марафонские дистанции, разбираться в котировках акций, летать на спортивном самолете и при этом выглядеть как топ-модель на подиуме. Ей всегда нужно быть Удивительной Эми. Но здесь, в Миссури, женщины закупают продукты в «Таргете», готовят простую здоровую еду и шутят о том, как плохо они помнят испанский, который учили в школе. Состязания их не интересуют. Постоянные порывы Эми встречались доброжелательными, но немного жалостливыми улыбками. И для моей жены-чемпионки это стало, возможно, одним из самых тяжелых ударов.

Город довольных жизнью неудачников.

– У нее много хобби, – ответил я.

– Вас ничего не беспокоило? – спросила Бони слегка напряженно. – Например, выпивка или легкие наркотики? Я не хочу сказать, что ваша жена могла злоупотреблять. Просто гораздо больше домохозяек, чем вы можете себе представить, увлекаются допингом. Дни тянутся очень долго, когда сидишь дома одна. Кто-то пьет, кто-то глотает таблетки... Речь, конечно, не о героине, но легкие болеутоляющие средства... Ту т в округе их раздобыть не проблема.

– Наркоторговля как с цепи сорвалась, – добавил Джилпин. – А у нас в полиции прокатилась волна сокращений – одна пятая личного состава. В общем, беда.

– Одной домохозяйке, вполне добропорядочной, в прошлом месяце зуб выбили из-за оксиконтин, – подвела итог Бони.

– Ну, Эми может, конечно, выпить стакан вина, но наркотики – нет.

Бони смотрела так, что стало ясно: она ожидала другого ответа.

– А есть у нее здесь близкие подруги? Для гарантии надо бы поговорить с кем-нибудь из них. Не обижайтесь. Иногда муж может ничего и не знать о наркотиках. Людям свойственно стесняться зависимости. Особенно женщинам.

Подруги... В Нью-Йорке Эми заводила и теряла их еженедельно. Чем-то они напоминали ее проекты. Вначале она могла прожужжать о них все уши. Ах, Паула! Она дает уроки пения, у нее ужасно хороший голос! Эми училась в Массачусетсе, в закрытой школе. В те времена мне нравилось ловить новоанглийские выражения в ее речи: «ужасно хороший». Ах, Джесси! Она изучает курс дизайна одежды! Но с другой стороны, когда я спрашивал жену о Пауле или Джесси месяцем позже, она так тарасила глаза, будто слышала эти имена впервые.

Кроме того, были мужчины, которые всегда роились вокруг Эми, предлагая небольшие услуги, на которые муж оказался не способен. Например, починить ножку от стула или найти, где продается ее любимый зеленый чай. Эти мужчины, она уверяла, были всего лишь друзьями,

всего лишь добрыми друзьями. Эми держала их достаточно далеко, чтобы не злить меня, и достаточно близко, чтобы подскочили, помани она только пальцем.

А в Миссури... Боже мой! Я в самом деле не знал. И сообразил только сейчас. «Ты, Ник, самая настоящая задница», – подумал я. Два года мы прожили в Карфагене, и после суматошных первых месяцев, когда знакомятся, ходят в гости и говорят каждому встречному «здрасьте», Эми ни с кем не общалась регулярно. У нее была моя мама, которая уже умерла, и я, и наши беседы обычно проходили в пикировках – нападение и защита. Однажды, год назад, мы сидели дома, и я спросил ее с нарочитой учтивостью: «Как вам нравится Северный Карфаген, миссис Данн?»

«Новый Карфаген, вы хотите сказать, сэр?» – ответила она.

Я не решился спрашивать, откуда взялось это название, но Эми явно использовала его в уничижительном смысле.

– У нее есть несколько старых друзей, но почти все они живут на востоке.

– Ее родственники?

– В Нью-Йорке. Городе.

– И вы до сих пор не позвонили никому из этих друзей? – спросила Бони с недоуменной улыбкой.

– До сих пор я занимался тем, что выполнял ваши распоряжения. У меня не было времени.

Я подписал разрешение отслеживать операции с кредитными и банкоматными картами, а также звонки с мобильного Эми. Я сообщил детективам номера телефонов Го и Сю, вдовы, которая видела меня в «Баре» и могла сказать, во сколько я приехал.

– Родительский любимчик... – покачала головой Бони. – Нет, вы в самом деле напоминаете моего младшего брата. – Пауза. – Клянусь, это комплимент.

– Она его любит до безумия, – пояснил Джилпин, который что-то небрежно черкал в записной книжке. – Итак, вы покинули дом в семь тридцать утра, а появились на людях в «Баре» около полудня. И все это время провели на берегу.

Примерно в десяти милях севернее нашего дома есть участок берега – не слишком приятное скопление песка, ила и осколков пивных бутылок. Мусорные контейнеры переполнены пластиковыми стаканчиками и использованными подгузниками. Но там стоит стол с наветренной стороны, и если сидеть при солнечной погоде и глядеть лишь на реку, не обращая внимания на все остальное, то можно получать удовольствие.

– Я иногда приезжаю туда с кофе и бумагой и пишу. Летом почти каждый день.

Нет, на пляже я ни с кем не разговаривал. Нет, никто меня там не видел.

– Да, это тихое место, – согласился Джилпин. – Особенно в будние дни.

Если полиция поговорит с кем-то, кто знаком с моими привычками, то быстро выяснится, что я очень редко появляюсь на пляже и почти никогда не приношу с собой кофе. Я слишком белокож даже для ирландца и слишком нетерпелив, чтобы медитировать, разглядывая свой пупок. В общем, я не создан для пляжного отдыха. А полицейским я сказал, что был там, просто потому, что такое предложение прозвучало в то утро от Эми: шел бы ты на реку, посидел бы наедине с мыслями о нашей совместной жизни. Сегодня утром, когда мы расправились с приготовленными моей женой блинчиками, она наклонилась и сказала: «Сейчас мы переживаем нелегкие времена. Ник, я все еще люблю тебя и понимаю, что мне нужно серьезно поработать над собой. Я хочу быть для тебя хорошей женой, и чтобы ты был для меня хорошим мужем, и чтобы мы были счастливы вместе. Но нужно решить, чего же хочешь ты».

Свою речь она наверняка готовила заранее, поэтому с гордостью улыбнулась, закончив говорить. Как всегда, когда Эми предлагала какую-нибудь милость, я подумал: «Конечно, она все срежиссировала. Ей нужен мой образ и неистовый поток и чтобы ветер ерошил мне волосы,

а я бы вглядывался в горизонт и думал о нашем будущем». Мне нельзя просто взять и махнуть в «Данкин донатс».

«Но нужно решить, чего же хочешь ты».

К несчастью для Эми, я уже все решил.

Бони бодро произнесла:

– А вы можете сказать, какая группа крови у вашей жены?

– Ммм... Не знаю, пожалуй.

– Вы не знаете группу крови своей жены?

– Может быть, ноль? – попытался угадать я.

Детектив нахмурилась, а потом сделала громкий выдох, как на занятиях йогой:

– Ладно, Ник. Кое-какие меры мы уже приняли.

И перечислила их все: банковская ячейка Эми под наблюдением, ее фотография разослана, кредитная карточка отслеживается. Допрашиваются все преступники, ранее обвиненные в сексуальных преступлениях. Опрашиваются наши немногочисленные соседи. Домашний телефон прослушивается на случай требований выкупа.

Я не знал, как нужно отвечать. Пришлось напрячь память. Что в фильмах обычно говорит муж в таких случаях? Все зависит от того, виноват он или чист как младенец.

– Не могу сказать, что вы меня успокоили... Как считаете, она похищена или просто сбежала? – Я знал приблизительную статистику, знал из того же полицейского кино, в котором сейчас как будто играл главную роль. Если за первые сорок восемь часов не найдут следов, то, скорее всего, их не найдут вообще. Первые сорок восемь часов – критический срок. – Поймите, у меня жена пропала! Пропала моя жена!

Я понял, что сейчас впервые произнес эти слова так, как следовало, – испуганно и сердито. В моем отце постоянно смешивались разные человеческие чувства: горечь, ярость, презрение. Борясь всю жизнь, чтобы не стать похожим на него, я развил в себе способность не демонстрировать отрицательные эмоции вообще. Это еще одно свойство, делавшее меня похожим на овощ. В моем животе могли свиваться в клубок скользкие угри, но никто не догадался бы об этом по моему лицу и уж тем более по моим словам. На самом деле это доставляло значительные трудности: или постоянный контроль, или совсем никакого контроля.

– Ник, мы проверяем все с чрезвычайной тщательностью, – заверила Бони. – По нашей просьбе ребята из лаборатории поехали к вам домой, чтобы собрать информацию, которая позволит нам двигаться дальше. А вы прямо сейчас можете побольше рассказать о своей жене. Какая она?

На язык просились обычные слова, уместные в устах мужа: милая, добрая, хорошая, замечательная.

– Что значит какая? – переспросил я.

– Опишите ее как личность, – пояснила Бони. – Например, что вы купили ей на годовщину? Ювелирное украшение?

– Ничего не успел купить, – ответил я. – Собирался заехать в магазин днем.

Я ждал, что детектив засмеется и снова скажет «родительский любимчик», но она промолчала.

– Ладно. Ну тогда просто расскажите о ней. Она смирилась с бездеятельностью? Она... как бы выразиться? В ней очень много нью-йоркского? Она могла вести себя с кем-то резко? Могла оскорбить человека?

– Не знаю. Она, конечно, не идеальна, но и не груба. Не настолько, чтобы кто-нибудь захотел... причинить ей вред.

Так я солгал полиции в одиннадцатый раз. У Эми хватало грубости, чтобы сильно обидеть кого угодно по поводу и без повода. Это я говорю о сегодняшней Эми, лишь отдаленно напоминавшей ту веселую и легкомысленную девчонку, которой я делал предложение руки и

сердца. Произошла довольно жуткая метаморфоза. Спустя несколько лет после свадьбы старая кожа вдруг свалилась на пол, и из нее шагнула новая, нервная и ожесточенная Эми. Моя жена перестала быть моей женой, она стала клубком колючей проволоки, который я, как ни старался, не мог распутать одеревенелыми пальцами. Деревенскими пальцами. Пальцами деревенщины, не приспособленной для такой трудной и опасной работы, как понимание Эми. Когда я показывал ей кровавые раны, она вздыхала и обращалась к своей тайной, хранимой в уме записной книжке, куда заносила все мои промахи, все разочарования, все недоработки и недостатки. А моя прежняя Эми, черт побери, была веселой. Она была веселой! И меня заставляла смеяться. Я уже начал забывать... И сама смеялась. Смех зарождался внизу горла, а потом рассыпался, словно звонкие наперстки. Самый лучший вид смеха, на мой взгляд. Она избавлялась от своих обид, разбрасывая их горстями, будто птичий корм. Вот они есть, а вот их уже нет.

Она не была тем существом, в которое превратилась сейчас. Существом, которого я боялся больше всего на свете. Злая женщина. Я всегда терялся рядом со злыми женщинами. Они поднимали в моей душе мерзкую муть.

– Она властная? – подсказывал Джилпин. – Любит доминировать?

Я мысленно представил календарь Эми, расписанный на три года вперед, и если бы вы взглянули на ближайший год, то увидели бы планы: дерматолог, дантист, ветеринар.

– Она любит все планировать. Ничего не делает под влиянием сиюминутной прихоти. Ей нравится составлять списки необходимого. Добиваться цели. Вот потому-то мне кажется странным...

– Ну да, тут и умом тронуться можно, – сочувственно проговорила Бони, – если вы сами не такой же. Вы мне кажетесь личностью типа Б.

– Я, пожалуй, несобранный, – признался я, а потом добавил подобающе: – Мы дополняем друг друга. – И глянул на настенные часы.

Бони тронула меня за рукав:

– Послушайте, почему бы вам не позвонить родителям Эми? Уверена, они оценят.

Время перевалило за полночь. Родители Эми ложатся в девять, они всегда хвастались своим обыкновением рано почивать. Мой звонок оторвет их от седьмого сна. Сотовый они выключают без пятнадцати минут девять, поэтому Ранд Эллиот будет вынужден подняться с кровати и пройти в дальний конец коридора, к стационарному телефону, повозиться с очками, включить настольную лампу. При этом в мыслях переберет все причины, по которым его среди ночи разбудили звонком, все благопристойные причины, по которым он мог бы кому-то понадобиться.

Я дважды набирал номер и вешал трубку, не дождавшись ответа, прежде чем услышал «алло». Это оказалась Мэрибет, а вовсе не Ранд. Ее низкий голос загудел в моем ухе.

– Мэрибет, это Ник, – сказал я и растерялся.

– Что случилось, Ник?

Я перевел дух.

– Что-то с Эми? Скажи мне!

– Я... мм... Простите, я должен был позвонить...

– Да говори же, черт побери!

– М-мы н-не можем найти Эми... – заикаясь, признался я.

– Ты не можешь найти Эми?

– Я не знаю...

– Эми пропала?

– Мы не вполне уверены. Мы пока еще...

– Как давно?

– Мы не уверены. Я ушел из дому утром, вскоре после семи часов...

– И ты ждал до ночи, чтобы позвонить нам?

– Простите, я не хотел...
– Господи! Сегодня вечером мы играли в теннис. В теннис! А могли бы... Господи! Полиция знает? Ты сообщил в полицию?
– Я звоню вам из участка.
– Дай мне их начальника, Ник. Пожалуйста.
Послушный, как ребенок, я протянул трубку Джилпину:
– Моя теща желает с вами побеседовать.
Разговор с Эллиотами сделал из детектива настоящего чиновника. Теперь невероятная новость – Эми пропала – начала распространяться.

* * *

Возвращаясь в комнату, где мы беседовали, я вдруг услышал голос своего отца. Иногда, в особенно неприятные мгновения, он звучал в моей голове. Но это был настоящий живой голос. Слова походили на пузыри болотного газа, поднимающиеся из вонючей трясины: «Сука, сука, сука...» Выжив из ума, отец обращался так к любой женщине, которая хотя бы чуть-чуть раздражала его: «Сука, сука, сука...» Заглянув в конференц-зал, я увидел его, сидящего на скамье у стены. Когда-то он смотрелся здорово. Красивый, осанистый, с ямочкой на подбородке. Мужчина мечты, как охарактеризовала его однажды моя тетя. Теперь же он сидел, бормоча, на полу, белокурые волосы спутаны, штаны грязные, а руки исцарапаны, словно он пробирался сквозь колючий кустарник. Полоска слюны блестела на подбородке, будто там проползла улитка. Он сжимал и разжимал все еще крепкие пальцы. Рядом стояла, скривив рот и напряженно выпрямив спину, офицер полиции, стараясь не реагировать на его слова: «Сука, сука, сука... Слышь, ты? Сука?..»

– Что происходит? – обратился я к ней. – Это мой отец.
– Вам позвонили?
– Позвонили?
– Чтобы вы пришли и забрали отца, – проговорила она отдельно, будто я был слабоумным мальчишкой.
– Моя жена пропала. Я здесь уже несколько часов.

Она взглянула на меня, ни в малейшей мере не смягчившись. Я видел, что она колеблется, не поступиться ли гордостью и не принести ли извинения, но потом отец завел свое: «Сука, сука, сука», и благородный порыв как рукой сняло.

– Сэр, с вами весь день пытаются связаться из «Комфорт-Хилла». Ваш отец сбежал сегодня утром по пожарной лестнице. Он исцарапался, но в целом невредим. Можете убедиться. Мы обнаружили его несколько часов назад в невменяемом состоянии, он брел по Ривер-роуд. А потом пытались дозвониться вам.

– Но я был здесь! Почему, черт побери, никто не сообщил мне!
– Сука, сука, сука... – твердил отец.
– Сэр, прошу не разговаривать со мной в таком тоне.
– Сука, сука, сука...

* * *

Бони распорядилась, чтобы полицейский – на этот раз мужчина – отвез отца к месту его проживания, таким образом мне удалось от него избавиться. Когда бессвязно бормочущего старика сажали в автомобиль, мы стояли на крыльце полицейского участка. И все это время он ни разу не дал понять, что узнал меня. Когда машина тронулась, даже не оглянувшись.

– Ну, парни, не пора ли закругляться? – спросила детектив.

– По-моему, пора.

Таким образом, полиция покончила с расспросами, и меня отправили домой приблизительно в два часа ночи, с напутствием хорошенько выспаться и явиться к двенадцати в участок для пресс-конференции.

Я попросил подвезти меня к дому Го, поскольку знал, что она не ляжет спать, не откажется выпить со мной по чуть-чуть и сделает сэндвич. Как ни печально, это все, чего я в тот момент желал: чтобы женщина сделала мне сэндвич и не задавала вопросов.

– Не хочешь пойти и поискать ее? – спросила Го, когда я поел. – Можем поехать по округе.

– Бесплезно, – вяло ответил я. – Где ее искать?

– Ник, это в самом деле очень серьезно.

– Я знаю, Го.

– Так будь решительнее, Лэнс. Прекрати свое траханое «мю-мю-мю». – Этим звуком, одновременно шлепая губами и по-дурацки закатывая глаза, она с самого детства высмеивала мою бесхарактерность. При этом еще произносила мое официальное имя. Ни один парень с моей внешностью не может зваться Лэнсом. Го сунула мне в руки порцию виски. – Выпей еще, и хватит. Похмелье тебе завтра ни к чему. Куда же, мать ее, она могла задеваться? Блин, меня уже тошнит... – Она налила и себе, а потом, потягивая виски, зашагала по кухне. – А ты не допускаешь, Ник, что какой-то парень увидел ее на улице и захотел похитить? Стукнул по голове и...

– Стукнул по голове? Ну какого хрена ты так говоришь?

– Ну, извини, не хотела сгущать краски. Просто... Не знаю, я просто пытаюсь рассуждать. Мало ли психов на улицах. – И добавила в стакан еще виски.

– Кстати, о психах, – вспомнил я. – Папа снова нынче дал деру. Его нашли на Ривер-роуд и отвезли в «Комфорт-Хилл».

Она пожала плечами – ну и ладно. За истекшие полгода наш отец удирал из пансионата три раза. Го прикурила сигарету.

– Неужели мы не можем пойти и кого-нибудь расспросить? – сказала она. – Неужели ничего нельзя сделать?

– Го, ну что ты заладила?! – воскликнул я. – Тебе надо, чтобы я себя чувствовал сраным импотентом! Я совершенно без понятия, как надо действовать в такой ситуации! Типа, если ваша жена пропала, наберите сто один... Что потребовали полицейские, я сделал. Я всегда делаю, что от меня требуют.

– Ну да, конечно, – проворковала Го, давно задавшаяся целью выковать из меня бунтаря.

Ни черта у нее не выйдет. Мальчишкой я вовремя возвращался из школы домой. Когда был писателем, всегда укладывался в условленные сроки, даже если это было необязательно. Я уважаю правила. Когда следуешь правилам, жизнь протекает без проблем.

– Мать-перемать! Через несколько часов снова переться в участок, можешь дать хоть немножко отдыху? Неужели не видишь, что я боюсь до усеру?

Секунд пять мы играли в гляделки, а потом Го буркнула: «Ну, извини» – и еще раз наполнила мой стакан. Села рядом, положив ладонь на плечо.

– Бедная Эми, – прошептала она.

Эми Эллиот-Данн
21 апреля 2009 года
Страницы дневника

Бедная я. Позвольте мне описать место действия. Кэмпбелл, Инсли и я в Сохо, обедаем в бистро «Табло». Огромный пирог с козым сыром, бараньи фрикадельки и свежая руккола – я не уверена, что справимся. Но мы стараемся. Пообедав, уходим в маленький кабинет, который зарезервировала Кэмпбелл, – там можно отдыхать, развалившись на диване, который не слишком отличается от того, что стоит, скажем, у вас в гостиной. Это здорово, чувствуешь себя счастливой, совершая иногда глупые, но общепринятые поступки.

Мы все одеты излишне нарядно, в дорогих платьях, в туфлях на очень высоких каблуках. Клюем по чуть-чуть с крошечных тарелочек пищу такую же декоративную и невещественную, как и мы сами.

Мы решили позвать наших мужей, чтобы выпить по стаканчику спиртного. Таким образом, мы предаемся послеобеденному ничегонеделанию, потягивая мохито, мартини и в моем случае – бурбон, которые принесла официантка с личиком, так и просящимся на роль в фильме «Девушка, только что высадившаяся из рейсового автобуса».

Да, не будет лишним заметить, что сегодня вторник, и налегать на спиртное мы не собираемся. У Инсли и Кэмпбелл есть кое-какие дела на завтрашнее утро, а мне нужно работать. Таким образом, большая ночная гулянка не светит, и постепенно становится скучно. Мы разошлись бы, если бы не ждали мужей. Кэмпбелл все поглядывает на свой «Блэкберри», Инсли с разных ракурсов инспектирует собственные икры. Первым прибыл Джон – улыбка до ушей, громкие извинения в адрес Кэмпбелл, каждую из нас целует в щечку. Этот мужчина целый час перся через весь город, стоял в огромных пробках только для того, чтобы выпить с нами один коктейль. Теперь он может торопливо утолить жажду и отправиться домой вместе с женой. Джордж появляется минут на двадцать позже, робкий, напряженный; он коротко оправдывается, рассказывая о проблемах на работе. Инсли рыкнула на него:

– Ты опоздал на сорок минут!

– Да, это так! – огрызнулся он. – Но я зарабатываю для нас деньги!

Потом эти двое почти не разговаривали друг с другом, беседуя со всеми остальными.

Ника все нет и нет, на звонки он не отвечает. По просьбе Кэмпбелл мы ждем еще сорок пять минут. «Должно быть, на последней минуте он получил какой-то очень срочный заказ», – говорит она, улыбаясь своему старому доброму Джону, которому никакие форс-мажоры не помешают примчаться к супруге. Инсли на мужа уже не злится, так как осознает, что он не самый большой мудака в нашей компании. «Ты уверена, милочка, что он не может даже эсэмэс прислать?»

Я же сохраняю улыбку:

– Поди угадай, что у него за дела. Ничего, мы с ним дома поговорим.

И тут мужчины наконец расстраиваются: как, неужели можно просто взять и не приехать? Может, есть причина? И что, никаких обид и скандалов?

Ладно, парни, вам этого не понять.

Мы с Ником иногда смеемся, хохочем вовсю, вспоминая, какие ужасные вещи женщины заставляют делать мужчин, чтобы те доказали любовь. Бесцельная работа, бесполезные жертвы, бесконечные мелкие уступки. Мы называем таких мужей дрессированными обезьянками.

Вернется Ник домой, потный и соленый, насосавшийся пива на бейсбольном стадионе, а я устроюсь у него на коленях, спрошу об игре, о том, хорошо ли провел время его друг

Джек. И мой муж ответит: «О, ему сегодня пришлось побыть дрессированной обезьянкой – у бедной Дженнифер была „реально тяжелая неделя“, и он поехал домой».

Или его приятель, который не может выпить с друзьями, потому что нужно подъехать к бистро, где его девушка обедает со своей подружкой из другого города. Откосить невозможно, а то как же она похвастается обезьянке: «Смотри, какой вышколенный – по первому же звонку примчался».

Надевай это, не надевай то. Выполни эту работу по дому прямо сейчас, выполни эту работу по дому, едва появится свободная минутка, а значит, надо понимать, прямо сейчас. И не раздумывая, не колеблясь отказывайся от любимых привычек – только так ты можешь доказать, что я для тебя дороже всего на свете. Это женский аналог состязания «у кого струя длиннее». Расфуфыренными павами кочуем из книжных клубов на коктейль-пати, но мало на свете вещей, способных доставить женщине радости больше, чем возможность придумывать новые и новые жертвы, на которые мужчина должен идти ради нее. Напиши об этом в опроснике, и «О, это просто крутейший кайф!».

Я счастлива, что не состою в этом клубе. Я не участвую в эмоциональном принуждении, не заставляю Ника играть счастливо-пришибленную роль – кивать, как китайский болванчик, ходить день-деньской с приклеенной улыбкой, беспрекословно выносить мусор, – в общем, изображать сладенького муженька. Мужчина мечты каждой женщины созвучен образу идеальной женщины в воображении мужчины – пылкая, нежная, любит секс и крепкие напитки.

Мне нравится считать себя достаточно зрелой и опытной, чтобы понимать: Ник любит меня всегда. И не требовать постоянных подтверждений. Мне не нужно помыкать жалкой дрессированной обезьянкой, чтобы поднять себя в глазах подруг. Я разрешаю ему быть самим собой, и меня это нисколько не напрягает.

И я не знаю, почему женщины считают, что это так трудно.

Когда после обеда я возвращаюсь домой на такси, рядом останавливается автомобиль, из которого выходит Ник. Он ожидает меня на тротуаре, с широченной улыбкой на лице:

– Малыш!

Я с разбега кидаюсь ему в объятия, Ник прижимается небритой щекой к моей щеке.

– И что ты делал сегодня вечером? – спрашиваю я.

– Ребята затеяли в покер играть после работы, ну, я и решил посидеть с ними. Надеюсь, ты не в претензии?

– Конечно, – киваю я. – Надеюсь, это поинтереснее, чем мой случай.

– А с кем ты встречалась?

– Да с Кэмпбелл, Инсли и их дрессированными обезьянками. Скуотища. Ты счастливо отделался. Нет, в самом деле, просто везунчик.

Ник подхватывает меня на руки – на свои сильные руки – и несет по ступенькам.

– Боже, как я тебя люблю, – шепчет он.

А потом мы занимаемся сексом, пьем крепкие напитки и сладко спим до утра, зарывшись в простыни, на нашей огромной мягкой кровати. Бедная я, бедная.

Ник Дани Один день спустя

Совета Го, что касается выпивки, я не послушал. Прикончил в одиночку оставшиеся полбутылки, но все никак не мог успокоить расшалившиеся нервы. Казалось, вот-вот засну, и тут адреналин давал мне пендаля. Глаза закрывались, голова опускалась на подушку, но в следующий миг я видел свою жену: светлые волосы слиплись от крови, она плачет, слепая от боли, и ползает по полу в нашей кухне, и повторяет мое имя: «Ник, Ник, Ник!»

Я отхлебывал снова и снова из горлышка, тщетно пытаюсь погрузиться в сон. Сон, он как кот: приходит тогда, когда ты перестал обращать на него внимание. Я лакал виски и повторял мысленно: «Прекрати думать. – Глоток. – Освободи разум. – Большой глоток. – Прямо сейчас, без шуток, освободи разум. – Глоток. – Завтра ты должен быть бодрячком, ты должен выспаться!» Большой глоток.

Я забылся зыбким сном ближе к рассвету и через час проснулся с похмельем. Не то похмелье, от которого ты не способен даже шевельнуться, но все равно неслабое. Я был унылым и ватным. Тугодумным. Может быть, все еще слегка пьяным. Я с трудом забрался в «субару», принадлежавшую Го; ноги отказывались идти, словно чужие. Да, своего автомобиля я на время лишился, полиция забрала его для тщательной экспертизы, как и мой ноутбук. Просто формальность, как меня уверяли. Я поехал домой, чтобы переодеться во что-нибудь поприличнее.

Три полицейские машины торчали в окрестностях моего дома, а рядом крутились мои немногочисленные соседи. Карла не было, но присутствовали богомолка Джен Теверер и Майк, отец тройни трехлетних карапузов – Тринити, Тофера и Талуллы. («Я ненавижу их всех только из-за их имен», – сказала как-то Эми, очень придиричивая ко всему новомодному. Кстати, когда я заметил, что одно время ее имя было очень популярным, она заявила: «Ник, но ты же знаешь историю моего имени!» Но я так и не понял, что она имела в виду.) Джен кивнула издали, не глядя мне в глаза, зато Майк подошел сразу, едва я покинул автомобиль.

– Мне очень жаль, дружище. Если могу чем-то помочь, только скажи. Все, что угодно. Кстати, сегодня утром я выкосил бурьян, так что хотя бы об этом ты можешь не беспокоиться.

Мы с Майком по очереди косили заброшенные участки в нашем квартале. Там, где жильцы разъехались, частые ливни превратили дворы в настоящие джунгли, в них кишмя кишели еноты. Эти зверюги мелькали везде – жрали помои по ночам, пробирались в подвалы, сидели на наших верандах, словно деревянные болванчики. Конечно, изничтожение зарослей не вынудило их уйти, но тварей хотя бы стало видно.

– Спасибо, Майк, – кивнул я. – Спасибо.

– Да уж, дружище, – вздохнул он. – Моя жена в истерике с тех пор, как узнала о вашей беде.

– Сожалею, – ответил я. – Мне пора. – Я указал взглядом на дверь.

– Все сидит и плачет, глядя на фотографии Эми.

Я слегка сомневался, что полиция ночью выложила в Интернет тысячи фотографий только для того, чтобы выдавить слезу из домохозяек вроде жены Майка. И вообще я никогда не сочувствовал истеричкам.

– Э, я тут спросить хотел... – начал Майк.

Я похлопал его по плечу и снова посмотрел на дверь, будто подгоняемый неотложными делами. Прежде чем сосед успел задать хоть какой-то вопрос, я взбежал на крыльцо и постучал в дверь собственного дома.

Офицер Веласкес проводила меня наверх, в мою собственную спальню, в мою собственную гардеробную, мимо серебристой коробки с так и не врученным подарком, и разрешила

выбрать вещи. Вороша шмотки под внимательным взглядом этой молодой женщины с длинной косой, я сильно смущался. И в конце концов взял что попало – слаксы и рубашку с коротким рукавом. Бизнес-кэжуал, как будто собрался на писательский конвент.

Можно сделать интересную заметку о том, какую выбрать одежду, когда твой любимый человек бесследно пропал, подумал я. Жадного до нестандартных сюжетных ходов борзописца во мне не могло искоренить ничто.

Затолкав вещи в сумку, я обернулся и взглянул на коробку с подарком, стоявшую на полу:

– Можно посмотреть, что там?

Веласкес замялась, но решила перестраховаться:

– Нет, сэр, прошу прощения. Лучше не стоит.

Но я заметил, что оберточная бумага аккуратно разрезана:

– Но ведь ее проверяли?

Она кивнула.

– Если вы уже смотрели... – Я шагнул мимо офицера в сторону коробки.

– Сэр, я не могу вам позволить. – Она заступила мне дорогу.

– Смех, да и только. Это же мне подарок от жены.

Обойдя ее, я наклонился, взявшись одной рукой за коробку, но Веласкес обхватила меня поперек груди, удерживая. В тот же миг ярость затопила мой разум. Хотя я всю жизнь старался быть похожим на маму, характер отца зачастую прорывается, вызывая ужасные мысли и отвратительные слова.

– Сэр, здесь место преступления, вы...

«Безмозглая сука!»

Неожиданно в комнате оказался ее напарник Риордан. Я вырывался как мог – хорошо-хорошо, мать вашу! – но они стащили меня вниз. Женщина стояла на коленях возле крыльца, разглядывая ступеньки – не иначе, в поисках следов крови. Она внимательно посмотрела на меня и уступила дорогу.

По пути к Го я постарался взять себя в руки. Этот случай стал первым в бесконечной череде досадных дурацких поступков со стороны полиции в ходе следствия. Я подчиняюсь правилам, которые могу понять, а не правилам без тени смысла. Поэтому мне нужно было успокоиться. «Не противодействуй копам, – твердил я себе. – И в случае необходимости повторй: не противодействуй копам».

* * *

Войдя в полицейское отделение, я сразу наткнулся на Бони.

– Ник, ваши родственники со стороны жены здесь, – сказала она таким голосом, будто предлагала теплый маффин.

Мэрибет и Ранд Эллиот стояли рука об руку посреди здания, как будто позировали перед фоторепортерами. Все как обычно. Я привык видеть их, поглаживающих друг друга руки, прижимающихся щекой к щеке, чмокающих в подбородок. Когда гостишь у Эллиотов, все время приходится кашлять – приготовьтесь, я вхожу, – поскольку их можно застать где угодно милующимися. Расставаясь даже ненадолго, они целовались в губы. Проходя мимо жены, Ранд хлопнул ее по заднице. Такие отношения были для меня в диковинку. Мои родители развелись, когда мне исполнилось двенадцать лет, и, по моим ранним воспоминаниям, прилюдно могли обменяться разве что невинным поцелуем в щеку. На Рождество, на день рождения. Сухими губами. Даже в лучшую пору их брака отношения больше всего напоминали деловые.

– У нас закончилось молоко.

– Куплю сегодня.

– Мне нужно, чтобы ты выгладила это как следует.

– Выглажу.

– Это что, так трудно – купить молока?

Молчание.

– Ты опять забыла вызвать водопроводчика.

Вздых.

– Черт побери! Надень свое проклятое пальто, выйди из дому и немедленно купи это проклятое молоко! Сейчас же!

Таковыми приказами мой отец, менеджер среднего звена в телефонной компании, в лучшем случае донимал мою маму, как своего нерадивого подчиненного. А в худшем? Нет, он никогда не бил ее, но лютая злоба могла наполнять дом сутками и неделями, делая воздух влажным и густым, мешая дышать. Отец ходил выпятив челюсть, ни дать ни взять жаждущий реванша боксер, и скрипел зубами так громко, что звук разносился по всему дому. Швырял вещи, но не в нее, а рядом с ней. Я уверен, он убеждал себя: «Ни за что ее не ударю». Я уверен, он никогда не считал себя жестоким. Но отец превратил нашу семейную жизнь в бесконечное путешествие по неровным дорогам с водителем, затаившим в душе злобу, в отпуск, который не приносил радости. «Не вынуждай меня разворачивать машину!» Да пожалуйста, разворачивай!

Не думаю, что отец относился так исключительно к маме. Ничуть не меньше его раздражала любая женщина. Он считал женщин глупыми, легкомысленными, надоедливыми. «Вот тупая сука». Этими словами он характеризовал любую женщину, вызвавшую его недовольство, – водителя, официантку, школьную учительницу. Моих учительниц он, пожалуй, и в глаза-то не видел никогда, на родительские собрания не ходил – «вонючее бабье царство», как он выражался. Я помню, как в 1984 году кандидатом в президенты стала Джеральдина Ферраро, а мы всей семьей смотрели за обедом телевизор, когда прозвучала эта новость. Моя мама, моя хорошая добрая мама погладила Го по голове и сказала: «Вообще-то, здорово, по-моему». Тогда папа выключил телевизор и заявил: «Это розыгрыш! Ты же видишь, что это дурацкий розыгрыш. Все равно что обезьяну усадить на велосипед».

Прошло еще пять лет, и мама решила, что с нее довольно. Однажды, вернувшись из школы, я не застала отца. Еще утром он был, а после обеда собрался и ушел. Мама усадила нас с сестрой за обеденный стол и объявила: «Мы с вашим папой решили пожить пока порознь». Го расплакалась и закричала: «Тогда я ненавижу вас обоих»! Но вместо того, чтобы убежать к себе в комнату и там нарыдаться вдоволь, как и положено после таких слов, подошла к маме и обняла ее.

Вот так мой отец ушел, а моя слабая, изнуренная мама располнела и стала выглядеть просто счастливой. Как сдувшийся воздушный шар, в который подкачали воздуха. В течение года она превратилась в веселую, бодрую, добрую хозяйку, какой оставалась до самой смерти. «Слава Богу, что вернул нам прежнюю Морин», – сказала ее сестра, как будто до того женщина, растрившая нас, была самозванкой.

Что касается отца, то с тех пор я общался с ним раз в месяц по телефону, очень сдержанно рассказывая о своей жизни. Об Эми он спросил один-единственный раз: «Ну и какова она, твоя Эми?» Вопрос не подразумевал иного ответа, кроме: «Она прекрасна».

Он оставался угрюмо-отстраненным и после шестидесяти, медленно погружаясь в слабоумие. «Если приходишь раньше всех, никогда не опоздаешь» – вот жизненный девиз моего отца. Но он распространился и на болезнь Альцгеймера. Постепенно отец опускался все ниже и ниже, и в конце концов пришлось поместить нашего независимого женоненавистника в огромный дом, провонявший насквозь куриным бульоном и мочой и где его окружали и ухаживали за ним только женщины. Ха!

Наш отец был ограниченным человеком. По крайней мере, так всегда говорила наша добрая матушка. Он ограниченный, но никому не желает вреда. И все-таки вред он нам причинил. Я сомневаюсь, что моя сестра когда-нибудь выйдет замуж. Когда она грустная, раздраженная

или сердитая, ей необходимо побыть одной – боится, что мужчина посмеется над женскими слезами. И я такой же. Все хорошее, что во мне есть, я перенял от мамы. Могу шутить, могу смеяться, могу поддразнивать, могу хвалить и помогать... Я могу быть светлым, как солнце в ясный день, но я не могу одного – иметь дело с рассерженной или плачущей женщиной. Тогда я ощущаю, как во мне самым отвратительным образом вскипает отцовская ярость. Эми могла бы многое рассказать об этом. Нет, она точно рассказала бы все, если бы не пропала.

Я увидел Ранда и Мэрибет всего лишь за миг до того, как был замечен ими. И я подумал: не злятся ли они на меня? Я совершил непростительный поступок, не позвонив им сразу. Из-за моей трусости родители Эми провели вечер, как и собирались, – теплая погода, скачущие по корту желтые мячики, поскрипывание кроссовок, обычный вечер четверга, – а в это время пропала их дочь.

– Ник, – произнес Ранд Эллиот.

Он сделал три широких шага в мою сторону и, когда я уже готовился принять удар, обнял изво всех сил.

– Ты как, держишься? – шепнул он мне в шею, покачал немного, потом тоненько всхлипнул, проглотил рыдание и сжал мою руку. – Мы обязательно найдем Эми, Ник! У нас нет иного выхода. Просто поверь в это!

Несколько секунд Ранд Эллиот сверлил меня голубыми глазами, а затем снова всхлипнул три раза подряд – казалось, икает, – и тут Мэрибет протиснулась к нам сквозь толпу и спрятала лицо под мышку мужа.

Когда мы с тестем рассоединились, она посмотрела на меня снизу вверх огромными круглыми глазами и произнесла:

– Это просто... просто кошмар. Как ты, Ник?

Мэрибет говорила «как ты?», это была не простая любезность, а жизненно важный вопрос. При этом она смотрела мне в лицо, и я не сомневался: теща очень внимательно следит за каждым моим движением. Миссис Эллиот полагала, что каждый поступок должен быть рассмотрен, оценен и классифицирован. Любая мелочь что-то означает, любой пустяк может оказаться полезным. Мама, папа и дитя, продвинутые люди с учеными степенями по психологии, с девяти утра до полудня выдавали на-гора больше глубоких выводов, чем многие люди за месяц. Я никогда не забуду, как однажды за обедом отказался от вишневого коблера, а Ранд вдруг склонил голову набок и сказал:

– Ага! Тут у нас иконоборец! Презирает легкий символический патриотизм!

Я хотел отшутиться: мол, вишневый коблер – не самое любимое мое блюдо, а Мэрибет коснулась руки Ранда:

– Это из-за развода его родителей. Все те вкусняшки, десерты и прочее, которые принято есть за семейным столом, вызывают у Ника отрицательные эмоции.

Это казалось глупым, но льстило невероятно. Люди тратили столько сил, чтобы разгадать мою натуру.

Ответ: я просто не люблю вишни.

Близилась половина двенадцатого. В полицейском участке стояла какофония. Звонили телефоны, кричали люди. Женщина, чьего имени я не расслышал и у которой рассмотрел только раскачивающуюся копну волос, вдруг оказалась рядом со мной. Я понятия не имел, как долго она находилась поблизости.

– ...И самое главное, Ник, нужно привлечь людей к поискам Эми, надо им показать: у нее есть семья, ее любят и хотят. Все будет под контролем. Ник, вам нужно будет... Ник?

– Чего?

– Люди захотят услышать заявление ее мужа.

Через все помещение ко мне бежала Го. Она проводила меня до управления, потом отправилась в «Бар», но пробыла там не больше получаса, а теперь вернулась, как будто не

видела меня неделю, и лавировала между столами, не обращая внимания на молодого офицера, которому наверняка поручили провести ее внутрь спокойно и без шума.

– Пока все хорошо? – спросила Го, крепко обнимая меня одной рукой. Но в семейке Данн никогда не получалось правильно обниматься – ее палец ткнулся мне в правый сосок. – Жалко, что мама сейчас не с нами, – шепнула она, будто читая мои мысли. – Нет новостей? – произнесла сестра, отстранившись.

– Ничего. Мать его! Ничего...

– Похоже, ты не слишком хорошо себя чувствуешь.

– Я чувствую себя как сраное дерьмо. – Хотелось добавить, что я поступил как полный идиот, не прислушавшись к ее словам о выпивке.

– Я бы тоже прикончила бутылку. – Сестра хлопнула меня по спине.

– Так, уже пора, – волшебным образом материализовалась женщина из прессы. – Получится неплохая передача на выходные, на Четвертое июля.

Она проводила нас в мрачный конференц-зал – алюминиевые жалюзи, складные стулья и стайка скушающих репортеров – и заставила подняться на сцену. Меня охватила неловкость, будто я произношу третью речь на второстепенной бизнес-встрече, когда аудитория заполнена усталыми людьми, только и думающими о том, как бы вырваться на обед. Но репортеры приободрились, увидев меня – молодого, прилично одетого парня. Потом администраторша водрузила на подставку картонку с наклеенной увеличенной фотографией Эми. Восхитительный портрет. Глядя на него, хотелось воскликнуть: «Как может быть женщина столь прекрасна?»

Она могла, она прекрасна. Я не отрываясь смотрел на фотографию моей жены, а в это время репортеры защелкали и зажужжали камерами. Я вспоминал тот день в Нью-Йорке, когда разыскал ее после долгой разлуки. Тогда я увидел только светлые волосы и затылок, но сразу узнал Эми. Я воспринял это как знак. На своем веку мне случалось видеть миллионы голов, но я сразу распознал изящный череп Эми, плывущий впереди по Седьмой авеню. Я понял, что это она, понял, что нам суждено быть вместе.

Сверкали вспышки. Я встрепенулся и огляделся по сторонам. Происходящее казалось сюрсом. Так часто говорят люди, описывая что-то необычное. Раньше я думал: «Ну откуда вы, мать вашу, можете знать, что такое сюр?» Похмелье давало о себе знать. Левый глаз пульсировал, словно сердце.

Фотокамеры продолжали щелкать, кинокамеры – жужжать. Два семейства, поджав губы, стояли рядом. Из всех нас только Го немного напоминала живого человека. Остальные – биороботы, клонированные и растыканные туда и сюда. Эми на картинке и то выглядела более живой. Всем нам доводилось видеть подобные пресс-конференции, когда бесследно пропадали другие женщины. И теперь мы сами вынуждены играть в спектакле для прессы – взволнованная, но преисполненная надежд родня. Мутные от кофеина глаза, руки – как у тряпичных кукол.

Прозвучало мое имя, аудитория затаила дыхание. Шоу начинается.

Позже, просматривая новости, я не узнавал свой голос. И едва-едва узнал лицо. Последствия пьянки меня не красили – не человек, а мешок с дерьмом. Я очень боялся, что голос будет дрожать, а потому фразы получались рублеными, будто я читал срочное сообщение. «Мы хотим, чтобы Эми вернулась домой целая и невредимая...» Совершенно фальшиво и неубедительно. С таким же успехом я мог произносить случайные числа.

Ранд Эллиот подошел и попытался спасти меня:

– Наша дочь Эми – жизнерадостная, всеми любимая девочка. Это единственный ребенок в нашей семье. Она умная, красивая и добросердечная. Удивительная Эми – вот она кто. Мы хотим, чтобы она вернулась. И Ник хочет, чтобы она вернулась.

Он положил ладонь мне на плечо, промокнул платком глаза. И я невольно ожесточился, во мне снова заговорил отец: «Мужчины не плачут».

– Мы все хотим ее вернуть, – продолжал Ранд. – Вернуть в семью, к родным и близким. Наш координационный пункт будет находиться в гостинице «Дэйз».

Позже в газетных новостях появились фотографии Ника Данна, мужа пропавшей женщины, который стоял истуканом рядом с тестем. Руки скрещены на груди, остекленевший взгляд. Он выглядел почти скучающим рядом с плачущими родителями Эми. Дальше было хуже: моя запоздалая реакция. Стремление показать, что я не говнюк, я неплохой парень, несмотря на пустой взгляд и надменное лицо придурка. Вот она, откуда ни возьмись, улыбка, о которой просил Ранд. Улыбка, так необходимая для его дочери.

Улыбка убийцы.

Эми Эллиот-Данн
5 июля 2010 года
Страницы дневника

Я не собираюсь ругать Ника. Я не ругаю Ника. Я отказываюсь – отказываюсь! – становиться сварливой, рассерженной девчонкой, сыплющей упреками. Когда я выходила замуж, то дала себе два обещания. Первое: не делать из него дрессированную обезьяну. Второе: никогда, ни при каких обстоятельствах не говорить: «Это меня устраивает – что ты решил вернуться домой попозже, что на выходные отправился на мальчишник, что решил сделать что-то, чего тебе хочется», а потом пилить его за то, что он воспользовался моим потворством. И вот теперь я нахожусь в опасной близости от черты, за которой могу нарушить оба обещания.

И все же... Сегодня третья годовщина нашей свадьбы, я сижу в доме одна-одинешенька, кожу на лице стянуло, как маску, от слез. А все потому... Ладно, потому что. Просто сегодня днем я получила голосовую почту от Ника и сразу заподозрила неладное. Я поняла это наверняка, когда услышала, что звонит он из своей любимой забегаловки, а на заднем фоне звучат мужские голоса. Ник сперва долго молчал, как будто не решался начать разговор, а потом я услышала его голос, слегка неразборчивый и уже ленивый от выпивки. Я поняла, что сейчас разозлюсь, – дыхание участилось, губы поджались, плечи напряглись. Мне не хотелось впадать в ярость, но все равно она накатывала. Разве мужчинам не знакомо это чувство? Ты не хочешь злиться, но оно сильнее тебя. Все потому, что хороший обычай разбит вдребезги. Или, может, обычай – не самое правильное слово? Привычка? Обряд? Правда, обычай-привычка-обряд, наш юбилей, похерен по уважительной причине. Я все понимаю, я не возражаю. Слухи не ввали. Шестнадцать сотрудников из журнала, где работает Ник, сегодня уволены. Треть всего штата. Ника пока оставили, но он чувствует себя обязанным угостить остальных. Эти парни набились в такси и покатали по Второй авеню, притворяясь, будто им все нипочем. Некоторые отправились домой, к женам, но большинство осталось. Ник собрался всю ночь нашей годовщины, до утра, колесить по стриптиз-барам и дешевым кафе, флиртуя с двадцатидвухлетними девчонками («Моего друга только что уволили, нужно, чтобы кто-нибудь его утешил»). И эти отныне безработные провозгласят Ника великим человеком, так как он оплачивает их выпивку со своей кредитки, которая связана с моим банковским счетом. Ник прекрасно проведет время вместо празднования нашей годовщины, о которой он даже не упомянул в сообщении. Просто сказал: «Я помню, у нас были кое-какие планы, но...»

Я как девчонка-малолетка. Навоображала себе, что у нас есть семейные обычаи. Разбросала по всему городу коротенькие любовные записки, напоминающие об очередном годе, прожитом вместе. Я представляю себе мой третий ключ, в Центральном парке, приклеенный скотчем в нижнем углу буквы «V» скульптуры LOVE Роберта Индианы. Завтра какой-нибудь скучающий двенадцатилетний турист, волочась позади родителей, сорвет его, прочитает, пожмет плечами и швырнет в урну, как обертку от жевательной резинки.

Я придумала исключительное завершение охоты за сокровищами, а кому теперь оно нужно? Великолепный винтажный портфель. Кожа. Ведь третья годовщина свадьбы – кожаная. Подарок, полезный для работы. Возможно, это не самая лучшая идея, особенно сейчас, когда там далеко не все безоблачно... А на нашей кухне, как всегда, ждут своего часа два живых омара. Ну, или как я предполагала, что как всегда. Надо позвонить мамочке и спросить, протянут ли лобстеры до завтра, удивленно ползая в коробке, или мне, слегка окосев от вина, следует ополчиться против них и сварить в кастрюле без всякой стоящей причины. Я убью двух ракообразных, которых даже не стану есть.

Позвонил папа, чтобы поздравить нас с годовщиной. Я взяла трубку, намереваясь изображать спокойствие, но, едва начав разговор, сорвалась на плач – ужасный плач обиженного птенца: «мваа-ваа-гваа-ваа-ва». Поэтому пришлось признаваться, что же случилось. Он посоветовал откупорить бутылку вина и хорошенько клюнуть. Папа всегда ратовал за целебную меланхолию пополам с самокопанием. Но ведь Ник наверняка рассердится, услышав, что я пожаловалась Ранду, который по-отечески похлопает его по плечу и скажет: «Ники, я слышал, тебе пришлось набраться в годовщину свадьбы на стороне». Ник узнает и будет на меня дуться. Он хочет, чтобы мои родители видели в нем совершенство. Когда я рассказываю, какой у них безупречный зять, он прямо-таки сияет от счастья.

Но не сегодня вечером. Я знаю, я знаю, что веду себя как ребенок.

* * *

Пять часов утра. Встает солнце, почти такое же яркое, как уличные фонари, которые только-только выключились. Мне всегда нравится этот миг, конечно, если я не сплю. Порой вытаскиваю себя из кровати и брожу по рассветным улицам, легонько постукивая каблуками. Тогда кажется, будто я наблюдаю нечто особенное. А вот и фонари погасли! Спешу заявить: в Нью-Йорке три или четыре часа утра вовсе не тихое время, слишком много народу возвращаются из баров, вызывают такси, кричат в свои мобильники, спеша накуриться перед сном. А вот пять утра – наилучший час. Даже цоканье твоих каблучков по тротуару кажется противозаконным. Люди попрятались по бетонным коробкам, и весь город принадлежит тебе.

И вот чем все закончилось. Ник вернулся домой после четырех утра, насквозь пропитавшись вонью пива, сигаретного дыма и яичницы. Настоящая плацента из воню. Я не спала, дожидаясь его; голова трещала после просмотра уймы серий «Закона и порядка». Мой муж уселся на оттоманку и молча взглянул на мой подарок, лежащий на журнальном столике. Я пристально смотрела на него. Ник явно не собирался просить прощения – многое пошло сегодня наперекосяк.

Единственное, чего я хотела, – коротенького «спасибо».

– С прошедшей годовщиной, – начала я.

Он глубоко, со стоном, вздохнул:

– Эми, у меня был самый дерьмовый день в моей жизни. Не заставляй в придачу ко всему мучиться совестью.

Ника вырастил отец, который никогда, ни при каких обстоятельствах не оправдывался. И уж коли мой муж чувствует, что провинился, то переходит в наступление. Я знаю это и обычно стараюсь переждать.

– Я просто сказала: с праздником.

– Ну да, с праздником, скотина, и спасибо за то, что позабыл обо мне в такой прекрасный день.

Мы сидим молча около минуты, мой желудок скручивается в узел. Я не хочу в этом споре быть плохой. Я этого не заслужила. Наконец Ник встает.

– Ладно, как все прошло? – тупо спрашиваю я.

– Как прошло? Это просто жопа. Шестнадцать моих друзей сейчас безработные. Так жалко... Скорее всего, через несколько месяцев и меня вышвырнут.

Друзья. Половина парней, о которых он говорит, не были даже его приятелями. Но я не возражаю.

– Ник, знаю, тебе сейчас страшно, но...

– Зато тебе не страшно, Эми. Тебе не бывает страшно. Это нам, остальным, не позавидуешь.

Ну вот, завел шарманку. Ника бесит, что мне никогда не приходилось заботиться о деньгах и не придется. Он считает, что от этого я мягче, чем все вокруг, и тут я с ним не стану спорить. Но все-таки я работаю. Хожу на работу и с работы. Некоторые мои подруги вообще никогда не работали – они отзываются о людях, вынужденных трудиться, с жалостью, как о толстой девушке «с таким милым лицом». Они придвинутся поближе и шепнут в манере актера Ноэла Коурда: «Ну конечно, Эллен у нас работяга». Они не принимают это всерьез, поскольку я в любой миг, как только захочу, могу уволиться. Я готова целыми днями слоняться по благотворительным комитетам, улучшать домашний интерьер, возиться в саду, и мне кажется, что эти занятия ничуть не хуже других. Женщины делают немало полезных дел, которые почему-то принято считать никчемными. Но я работаю.

– Ник, я на твоей стороне. Мы будем вместе, что бы ни случилось. Мои деньги – это твои деньги.

– А как же брачный контракт?

Он пьян. Он всегда вспоминает о брачном контракте, когда пьян. Злость моя возвращается. Я говорила ему сотню раз – и не одну сотню! – что брачный контракт всего лишь бизнес. Его не существует ни для меня, ни для моих родителей, только для их адвокатов. В нем ничего не говорится о нас с Ником.

Он прошагал на кухню, вывернул мятые доллары из бумажника на кофейный столик, скомкал квадратик бумаги для записей и швырнул его в мусорное ведро вместе с мятыми чеками.

– Это дерьмовая тема для обсуждения, Ник.

– Это дерьмово по ощущениям, Эми.

Он идет к нашему бару – осторожной, неуверенной походкой хмельного человека – и наливает себе виски.

– Утром плохо будет, – замечаю я.

Ник поднимает стакан, будто пьет за мое здоровье.

– Тебе никогда этого не понять, Эми. Просто не дано понять. Я работаю с четырнадцати лет. Я не ездил в спортивные лагеря или лагеря для творческой молодежи и не занимался с репетиторами. Вместо всего этого дерьма, обычного для вас, ньюйоркцев, я протирал столы в молле и косил лужайки, ходил на пароходе до Ганнибала и одевался ради туристов, как сраный Гек Финн. Я чистил сковородки для десерта «воронка» по ночам.

Меня разбирает смех, если не сказать дикий хохот. Еще немного, и он прорвется наружу, заразит Ника, и мы будем смеяться вместе, пока не забудем этот разговор. Ох уж это благоговейное оглашение послужного списка! Выйдя замуж за Ника, я твердо усвоила: простой человек должен заниматься черт знает чем, чтобы заработать себе на жизнь. Теперь я всегда приветливо машу наружным рекламщикам в костюмах, изображающих какую-нибудь еду.

– Я впахивал круче всех в журнале только для того, чтобы попасть в штат. Двадцать лет ишачил как проклятый, а теперь все висит на волоске. И я не знаю, какие гребаные меры принимать, если я не хочу вернуться на родину и снова стать речной крысой.

– А не староват ли ты изображать Гека Финна? – сказала я.

– Эми, а не пошла бы ты в жопу?!

С этими словами Ник уходит в спальню. Раньше он не произносил ничего подобного, но ругательство настолько легко сорвалось с языка, что я осознаю то, о чем никогда не задумывалась. Он наверняка так думал. И много раз. Не думала, что стану женщиной, которую посылает подальше собственный муж. Мы обещали друг другу никогда не засыпать в плохом настроении. Уступайте, договаривайтесь и не ложитесь в постель сердитыми – вот три совета, которые всегда давали и будут давать новобрачным. Но с недавних пор мне кажется, что на уступки иду только я, попытки договориться ни чему не приводят, а Ник не задумываясь ложится в кровать сердитым. Он способен глушить свои эмоции, ему это как кран повернуть. Вот уже храпит.

А я могу удержаться, хотя это не мое дело, и Ник расшвыряет, если узнает. Я наклоняюсь над мусорным ведром и вытаскиваю чеки. Только так могу выяснить, где же он шляется всю ночь. Два бара и два стриптиз-клуба. Легко представить себе, как он сидит там, болтая обо мне с друзьями. А он наверняка говорил обо мне, иначе мелкое, грязное оскорбление не вылетело бы с такой готовностью. Потом я воображаю, как он сидит в более дорогом стриптиз-клубе, из тех, которые предназначены доказывать мужчинам, что они правят миром, а женщины обязаны им служить. Плохая акустика и оглушительная музыка. Так задумано, чтобы никто не мог просто беседовать. Женщина с дряблыми сиськами усаживается на колени моему мужу (а тот поклянется, что это просто для прикола). Волосы рассыпались у нее по спине, губы влажны от блеска. По мнению Ника, ничего такого, что могло бы меня задеть. Невинные мужские забавы. Он думает, что я просто посмеюсь над этим, что не стану брать в голову.

Потом я разворачиваю смятый квадратик бумаги для записей. Вижу женский почерк – Ханна и номер телефона. Жаль, что имя не такое дурацкое, как в кинофильмах. Прочитав «Кэнди» или «Бэмби», не говоря уже о Мисти с сердечком над обоими «i», я бы только глаза выпучила. Но эта Ханна – реальная женщина, наверное, такая же реальная, как и я. Ник никогда не изменял мне – он клялся в этом, – но я знала, что возможностей у него предостаточно. Я могу спросить его об этой Ханне, и он, конечно же, ответит, что понятия не имеет, почему ей в голову взбрело дать свой телефон, а вежливость не позволила ему отказаться от записки. И это может быть правдой. А может и не быть.

Если Ник изменяет, то никогда в этом не признается. Ведь в последнее время он думает обо мне все меньше и меньше. Вот, предположим, смотрит на меня через стол за завтраком, как ни в чем не бывало зачерпывая ложкой хлопья, и думает, какая же я дура. А разве можно уважать дуру?

И я снова плачу. Теперь уже с запиской от Ханны в руке.

Очень по-женски, правда? Всего лишь один мальчишник, и мысли о возможной измене способны разрушить брак.

Я не знаю, что мне делать, даже предположить не могу. Чувствую себя чем-то средним между визгливой скандалисткой и выжатой половой тряпкой. Не знаю, на кого из них я похожа больше. Я не хочу злиться. Даже не понимаю, а надо ли мне разозлиться? Прикидываю, может, собраться и переехать в гостиницу, пусть для разнообразия он поревнует.

Так я раздумываю несколько минут, а потом резко выдыхаю и вхожу в нашу пропитавшуюся алкогольными испарениями спальню. Когда я укладываюсь на кровать, Ник поворачивается и обнимает одной рукой, утыкаясь носом мне в шею. И мы одновременно говорим: «Прости меня».

Ник Данн

Один день спустя

Полыхнули фотовспышки. Я стер с лица улыбку, но недостаточно проворно. Жар охватил шею, капельки пота выступили на носу.

«Ты дурак, Ник, дурак».

К тому времени, как я окончательно взял себя в руки, пресс-конференция завершилась. Выходя вслед за Эллиотами под участившимися вспышками, я опустил голову пониже. Едва ли не у самого выхода я заметил, что Джилпин рысит через зал и машет мне рукой:

– Всего на минутку, Ник!

Ведомый им, я вернулся в полицейский участок.

– Мы проверили все дома поблизости от вашего и нашли один взломанный. Похоже, ночевали бродяги. Сейчас мы ищем там возможные следы. Да, и еще в одном доме, на окраине вашего квартала, обитали незаконные жильцы.

– Я хотел сказать, что это и меня волновало, – признался я. – Бездомные сейчас где угодно ночуют. Почти весь город оказался без средств к существованию. Люди обозлены.

До прошлого года компания «Риверуэй молл» оставалась градообразующим предприятием Карфагена. Она сама по себе представляла город в миниатюре. Там работали четыре тысячи человек – пятая часть населения. Основали ее в 1985 году, чтобы привлечь покупателей со всего Среднего Запада. До сих пор помню день открытия компании. Мы с Го, мамой и папой наблюдали за праздником из задних рядов толпы, стараясь не отходить далеко от стойки. Где бы папа ни находился, он должен был иметь возможность быстро убраться. Даже на бейсбольных матчах мы парковались у самого входа и уходили после восьмой подачи, из-за чего мы с Го всегда капризничали, обиженные и перегревшиеся на солнце. Нам никогда не удавалось посмотреть окончание матча.

Но на этот раз удаленное расположение нашей семьи сыграло на пользу, поскольку позволяло видеть всю картину праздника целиком. Нетерпеливо переминающаяся толпа, мэр, взбравшийся на бело-голубой помост. Летели громкие слова: гордость, прибыль, процветание, успех. Все мы стали солдатами на поле битвы за права потребителя, вооруженными чековыми книжками в виниловых обложках и стегаными кошельками. И вот двери распахнулись. Рывок в охлажденную кондиционерами атмосферу. Музыка, улыбающиеся продавцы, многие из которых были нашими соседями. Мой отец превзошел самого себя в этот день, отстояв очередь, чтобы купить нам по запотевшему бумажному стаканчику с напитком «Оранж Джулиус».

На протяжении четверти века «Риверуэй молл» оставался местом для прогулок и отдыха. А потом обрушился кризис, уничтожая один за другим торговые центры, пока целый городок магазинов не обанкротился. Сейчас на двадцати миллионах квадратных футов живет только эхо минувших дней. Ни одна фирма не претендовала на освободившиеся площади, ни один бизнесмен не рискнул вложить деньги в возрождение комплекса, никому не нужны стали люди, некогда там работавшие. Включая мою мать, потерявшую место в «Шу-би-ду-би». Два десятка лет, проведенные на коленях за сортировкой коробок и примеркой обуви на влажные ноги, а потом увольнение без всяких церемоний.

Крушение, постигшее торгово-развлекательный центр, обанкротило и весь Карфаген. Люди теряли не только рабочие места, но и жилье. И никто не предвидел улучшения в обозримом будущем. Никто не взялся бы предсказать, чем все закончится. В детстве нам с Го никогда не удавалось увидеть финал, но теперь, похоже, получится. У всех получится.

Всеобщее банкротство как нельзя лучше соответствовало состоянию моей души. Вот уже несколько лет я маялся от скуки. И было это не временной скукой непоседливого ребенка (хотя я немногим и отличался от него), а всеобъемлющей, всепоглощающей безнадегой. Казалось, я

никогда не увижу ничего нового и интересного. Эпоха открытий миновала. У нас совершенно деривативное общество (хотя употребление слова «деривативное» в критическом значении само по себе дериватив). Мы первое поколение, которое никогда ничего не увидит в первый раз. Таращимся на чудеса света, но замылившийся глаз не позволяет восхищаться ими по-настоящему. Мона Лиза, пирамиды, Эмпайр-стейт-билдинг. Звери в джунглях охотятся, айсберги тают, вулканы извергаются. Но я не могу припомнить ни одного по-настоящему удивительного события, которое видел бы своими глазами, а не в кино или по телевизору. Проклятые рекламные ролики. Вы помните эту кошмарную слащавую песенку «Se-e-en It All»? Я-то как раз все вижу. И самое страшное – отчего буквально едет крыша – это то, что вторичное восприятие всегда кажется благом. Картинка ярче, угол зрения самый выгодный, ракурс камеры и саундтрек управляют эмоциями особым образом, который недоступен в реальной жизни. Не знаю, являемся ли мы в тот момент людьми, все те, кто составляет обычное большинство, выросшее перед телевизором, а теперь окунувшееся в Интернет. Если нас предают, мы знаем, что должны сказать. Если умирает любимый человек, мы знаем, что должны сказать. Если хотим изобразить остряка, или дурака, или жуткого умника, мы знаем, что должны сказать.

Все мы работаем по одному старому заезженному сценарию.

Очень трудно в наше время быть личностью, просто реальной, настоящей личностью. Каждый из нас собирает по штриху от разных образов, коим несть числа, – вместо того, чтобы оставаться самим собой.

И среди всеобщего притворства как можно говорить о родстве душ? Ведь у нас нет настоящих душ.

Доходило до того, что я порой задавался вопросом: реальный ли я человек или нечто иное? Я бы что угодно совершил, чтобы снова почувствовать себя настоящим человеком.

Джилпин, открыв дверь, впустил меня в ту самую комнату, где мы беседовали ночью. Посреди стола стояла коробка в серебристой упаковке – подарок Эми.

Я опешил, уставившись на нее, настолько злобещей показалась мне эта вещь в новой обстановке. В сердце закрался страх. Почему я не обнаружил ее раньше? Я должен был обнаружить ее раньше.

– Пройдите, пожалуйста, – сказал детектив. – Нам бы хотелось, чтобы вы взглянули на это.

Я развернул упаковку так осторожно, будто ожидал обнаружить там отрезанную голову. Но нашел только конверт из плотной синей бумаги. Первый ключ.

– Представьте себе наше замешательство, – усмехнулся Джилпин. – Разыскиваем пропавшего человека и вдруг находим тут записку с загадкой.

– Моя жена любила играть в охоту за сокровищами...

– Точно! В годовщины вашей свадьбы. Ваш тесть упоминал об этом.

Я открыл конверт и вынул лазурный листок бумаги – из письменных принадлежностей Эми, – сложенный пополам. Горечь подступила к горлу. Все эти охоты за сокровищами в конечном итоге сводились к одному-единственному вопросу: «Кто же такая Эми?» (О чем думает моя жена? Какие события истекшего года показались для нее значимыми? Какие случаи ошастливили ее? Эми, Эми, Эми... Думать нужно только об Эми.)

Первый ключ я читал со стиснутыми зубами. И без того небось кошмарно выгляжу, а тут еще воспоминания об атмосфере, в которой прошел последний год нашей супружеской жизни.

Хочу быть твоей ученицей,
Учитель, красавец, мудрец.
Отдам тебе разум и тело,
Не нужно букетов, за дело.
Зови на ковер в кабинет

Скорей, доказать я хочу —
Чему-то и я научу.

Как привет из другой жизни. Если бы дела разворачивались по замыслу моей жены, то вчера она вертелась бы неподалеку от меня, пока я читал бы эти стишки, и сгорала от нетерпения, как от лихорадки. «Ну, разгадай... Ну, разгадай меня».

И в завершение она непременно спросила бы: «Итак?»

— О! Я, кажется, разгадал загадку! — воскликнул я. — Скорее всего, она имеет в виду мой рабочий кабинет в колледже. Я там преподаю. Ха! Думаю, это правильный ответ. — Прищурившись, я перечитал записку. — В этом году она решила не слишком мудрить с заданием.

— Если хотите, я вас отвезу, — сказал Джилпин.

— Не стоит, я взял машину Го.

— Тогда я поеду следом.

— По-вашему, это важно?

— Конечно. Нам нужно узнать о ее передвижениях за день-два до исчезновения. Это совершенно необходимое дело. — Он взглянул на бумагу. — А знаете, это, должно быть, приятно. Как в кино — поиски клада. Мы с женой дарим друг другу открытки и что-нибудь вкусное. Но в вашей семье, похоже, все обстоит куда лучше. Вы не теряете романтику в отношениях.

После этого Джилпин потупился и, глядя на носки туфель, позвенел ключами от автомобиля.

* * *

Руководство колледжа выделило мне кабинет размером с гроб, где с трудом помещались письменный стол, два стула и несколько полок. Мы с детективом пробирались туда сквозь толпу студентов с летних курсов — и совсем юных (скучающих, но деловых, живо нажимающих кнопки телефонов, вводя сообщения или скачивая музыку), и людей взрослых, серьезных, — должно быть, уволенные сотрудники молла пытались строить новую карьеру.

— А что вы преподаете? — спросил Джилпин.

— Журналистику. Работу в редакции журнала.

Девочка, набравшая на ходу эсэмэску, едва не врезалась в меня. Шагнула в сторону, даже глаз не оторвав от мобильного. Неужели я такой старый и неинтересный?

— Я думал, вы больше не занимаетесь журналистикой.

— Кто умеет — делает, кто не умеет — учит других, — улыбнулся я.

Отперев двери, я ступил в затхлую, пыльную атмосферу кабинета. Из-за летних каникул я не был здесь уже несколько недель. На столе лежал конверт — несомненно, вторая загадка.

— Ключ вы всегда при себе носите, с другими? — спросил Джилпин.

— Ну да.

— Как Эми могла завладеть им, чтобы войти сюда?

Я надорвал край конверта.

— У нас дома есть запасной. — Эми сделала дубликаты со всех моих ключей — я вечно забывал, где их оставил; это относилось и к кредитным карточкам, и к мобильным телефонам. Но признаваться в этом сыщику не хотелось. — А почему спрашиваете?

— Просто интересуюсь, мог ли кто-нибудь видеть, как она сюда прошла. Сторож или еще не знаю кто...

— Тут не живет Фредди Крюгер, я бы заметил.

— Не видел ни одного фильма о нем, — сообщил Джилпин.

Внутри конверта лежали две сложенные бумажки. На одной нарисовано сердечко, а на второй — ключ.

Две записки. Мои кишки скрутились в узел. Один бог знает, что Эми хотела сказать. Я развернул бумагу с сердечком и, не дожидаясь, когда детектив приблизится, впился глазами в строки.

Мой любимый муж!

Думаю, прекрасной идеей было использовать этот храм знаний для того, чтобы сказать тебе, какой ты замечательный. Не буду излишне многословна. Я восхищаюсь твоим умом – загадочная статистика и анекдоты, странные факты и поразительная способность цитировать кинофильмы, остроумие и логика. Прожив несколько лет вместе, супруги могут позабыть, какими замечательными они считали друг друга вначале. Я помню, как мы повстречались впервые, как ты ослепил меня, поэтому хочу уделить минутку и заверить, что я все помню и не устаю повторять: ты ВЕЛИКОЛЕПЕН.

Я сглотнул слюну. Джилпин, читавший через мое плечо, вздохнул:

– Славная женщина. – А потом откашлялся. – Гм... а это ваше?

Незаточенным концом карандаша он подцепил предмет женского нижнего белья – красного цвета шелковые кружевные трусики, которые висели, приколотые кнопкой под кондиционером.

– Ох, черт побери. Весьма неловко...

Но Джилпин ждал объяснений.

– Понимаете... мы с Эми... Ну ладно, вы же прочли ее записку. Мы некоторым образом... Ну, знаете, иногда в отношении стоит внести немного остроты.

– О, я понял! – Детектив сверкнул улыбкой. – Похотливый профессор и непослушная студентка. Я понял. Вы в самом деле поступаете правильно.

Я потянулся к белью, но Джилпин уже выудил из кармана прозрачный пакет и сунул трусики туда.

– Простая предосторожность, – пояснил он.

– Только не это! – взмолился я. – Эми умрет, если... – Я оборвал фразу.

– Не волнуйтесь, Ник, это всего лишь положенная процедура. Вы даже не представляете, насколько мы связаны правилами. Перестраховка на перестраховке, до смешного доходит. Так что же говорит наша подсказка?

Я снова позволил ему прочитать записку поверх моего плеча. Запах свежести, исходящий от сыщика, мешал сосредоточиться.

– Так что же из этого следует? – повторил он.

– Понятия не имею, – соврал я.

* * *

Избавившись наконец-то от Джилпина, я бесцельно проехал по шоссе, а потом набрал номер на мобильном. Звонок не приняли. Сообщение я не стал оставлять. Прибавил газку, как будто куда-то тороплюсь, и через сорок пять минут вернулся в город, чтобы встретиться с Эллиотами в гостинице «Дэйз». Прошагал через вестибюль, битком набитый участниками съезда Среднезападной ассоциации аутсорсинговых компаний по расчету заработной платы – везде, где только можно, стояли дорожные сумки, а их владельцы попивали бесплатные прохладительные напитки из пластмассовых стаканчиков, хрипло смеялись и обменивались визитками. Поднялся в лифте с четырьмя лысеющими мужчинами в летних рубашках, с круглыми животами женатиков, туго обтянутыми ремнем.

Мэрибет открыла дверь, не прекращая разговаривать по мобильному. Кивнула в сторону телевизора и шепнула мне:

– Там есть лоток с колотым льдом. Если хочешь, бери, дорогой.

А потом направилась в ванную и закрыла за собой дверь, продолжая болтать.

Она присоединилась ко мне через несколько минут, успев как раз к началу пятичасовых новостей из Сент-Луиса. Выпуск был посвящен пропаже Эми.

– Великолепная фотография, – прокомментировала Мэрибет, глядя на экран, откуда взидала на нас моя жена. – Люди увидят ее и поймут, какова Эми на самом деле.

Портрет Эми удался на славу, спору нет, но использовать его все же не следовало. Казалось, что женщина с фотографии следит за тобой, как со старинного портрета в доме с привидениями, и даже поводит глазами слева направо.

– Нужно передать полиции несколько простых фотографий, – сказал я. – Обычных бытовых фотографий.

Эллиоты одновременно кивнули, но ничего не сказали, глядя в экран. Когда передача закончилась, Ранд проговорил:

– Что-то тошно мне.

– Я тебя понимаю, – заверила его Мэрибет.

– А ты как себя чувствуешь, Ник? – спросил Ранд, наклоняясь вперед и опираясь руками о колени, будто хотел встать с дивана, но не было сил.

– Сказать по правде, я в полном разладе. Никогда не чувствовал себя таким беспомощным.

– Все хотел спросить: как насчет ваших работников? – Ранд все-таки поднялся, подошел к мини-бару и налил себе имбирного пива. – Кто-нибудь чего-нибудь хочет?

Я покачал головой, а Мэрибет попросила содовой.

– Может, чуть-чуть джина, детка? – Голос тестя раскатисто завибрировал на последнем слове.

– Да. Конечно. Непременно. – Мэрибет закрыла глаза и сложила пополам, опустив голову между коленями, глубоко вздохнула и вернулась в прежнюю позу, как будто выполнив упражнение йоги.

– Отдал полный список, – сказал я. – Но вряд ли стоит искать среди них – бизнес у нас вполне спокойный.

Ранд приложил ладони к щекам и поднял, собирая кожу складками ниже глаз.

– Само собой, Ник, мы проделаем то же с нашими бизнес-партнерами.

Мэрибет и Ранд упрямо именовали свою книжную серию «Удивительная Эми» бизнесом, что не могло не казаться мне сущей глупостью. Детская книжка о девочке, на обложке которой нарисована мультяшная версия моей Эми. Но несомненно, для них книжная серия являлась семейным предприятием, крупным капиталовложением. На этих книгах в течение двух десятилетий воспитывались младшие школьники, главным образом из-за контрольных опросов в конце каждой главы.

Например, в третьем классе Эми взяла в оборот своего приятеля Брайана, который перекормливал черепаху из живого уголка. Вначале пыталась урезонить его самостоятельно, но мальчишка продолжал упорствовать в своем заблуждении. У Эми не оставалось иного выхода, как накапать учительнице: «Миссис Тибблиз, я не хочу показаться ябедой, но не знаю, как быть. Я пробовала убедить Брайана, однако пришлось время посоветоваться с кем-то из взрослых...»

Варианты ответа:

1. Брайан заявляет Эми, что она плохой товарищ, и перестает разговаривать с ней.

2. Ее робкая подружка Сьюзи говорит, что Эми не должна жаловаться учителю, а пусть лучше тайком от Брайана убирает лишнюю еду.

3. Главная соперница Эми, Джоанна, уверяет, что Эми просто ревнует и хочет сама кормить черепаху.

4. Эми ничего не желает слушать – она уверена, что поступила верно.

Какой ответ правильный?

Можно не ломать голову – Эми всегда права. И не думайте, что я не приводил этот аргумент в спорах с моей Эми. Приводил, и не раз.

Контрольные опросы – написанные двумя дипломированными психологами, которые вдобавок такие же родители, как и вы! – щекотали тщеславие покупателей, а их целью было выявление личностных черт ребенка. Кто ваш малыш? Неисправимый эгоист, невосприимчивый к критике, вроде Брайана? Бесхребетное существо, как Сьюзи? Завистница, похожая на Джоанну? Или само совершенство, точно Эми? Книжки стали чрезвычайно модными среди возрождающегося класса яппи. Они казались наипрочнейшим оплотом системы воспитания. Кубиком Рубика от педагогики. И Эллиоты разбогатели. Достаточно привести один пример: каждая школа Америки желала заполучить книгу об Удивительной Эми в свою библиотеку.

– Вы полагаете, что этот случай может быть как-то связан с бизнесом «Удивительная Эми»? – спросил я.

– Да есть несколько человек, которых не лишне было бы проверить, – начал Ранд.

– Вы думаете, – хохотнул я, – что Джудит Верст похитила Эми для Александра и теперь у него не будет «ужасных, кошмарных, невыносимых и отвратительных дней»?

Ранд и Мэрибет повернули ко мне вытянувшиеся лица. Да, зря я выдал эту безвкусицу, но мой мозг часто рождал и не такие глупости в самый неподходящий момент. Не всегда получается контролировать извержение психических газов. Вот точно так же я напел про себя «Бони Морони», стоило увидеть приятельницу из полиции. «Тоща, как макароны», – гремело в голове, в то время как детектив Ронда Бони убеждала меня в необходимости обыскать реку. Защитный механизм, внушал я себе, непредсказуемый защитный механизм. И рад бы прекратить...

Я принял изысканную позу и заговорил со всей вежливостью и осторожностью, как будто мои слова – тончайший и драгоценный фарфор.

– Простите меня, пожалуйста, сам не понимаю, зачем я это сказал.

– Мы все устали, – заключил Ранд.

– Мы потребуем, чтобы полиция взяла под наблюдение Верст, – сказала Мэрибет, пытаясь шуткой смягчить ситуацию. – И за этой стервой Биверли Клири тоже.

– Мне следует кое-что вам сказать, – начал я. – Копы обычно в таких случаях...

– Начинают поиск преступника с мужа, – прервал меня Ранд. – Я сказал им, что это напрасная потеря времени. Они задавали много вопросов...

– И были очень настойчивы, – добавила Мэрибет.

– Так они уже говорили с вами? Обо мне? – Я подошел к мини-бару и небрежно плеснул в стакан джина. Глотнул три раза подряд и тут же почувствовал себя еще хуже. Желудок пополз вверх, к горлу. – О чем спрашивали?

– Не причинял ли ты Эми боль когда-нибудь, не жаловалась ли Эми, что ты ей угрожаешь, – перечислила Мэрибет. – Не обманывал ли ты ее с любовницей. Разве это похоже на Эми? Я ответила, что ни о чем подобном мы не слышали вообще.

– Ник, – Ранд положил ладонь мне на плечо, – вот что мы хотим сказать тебе в первую очередь. Мы знаем, что ты никогда не причинил бы Эми и малейшего вреда. Я даже поведал детективам историю, как ты спасал мышь в пляжном домике, когда она попала в ловушку-липучку. – Он глядел на Мэрибет, словно она не знала об этом случае, и теща слушала с пре-

увеличенным вниманием. – Целый час вылавливал, а потом вынес паршивого грызуна за город. Разве такой парень способен сделать больно своей жене?

Я почувствовал накатившую волну стыда и в течение секунды был готов разрыдаться.

– Ник, мы любим тебя, – закончил Ранд, сжимая напоследок мое плечо.

– Это так, Ник, – эхом вторила Мэрибет. – Ты нам как сын. Мы слишком расстроены исчезновением Эми – не позволим, чтобы на тебя упала хотя бы тень подозрения.

Мне не понравилось словосочетание «тень подозрения». Предпочитаю выражение «стандартная проверка» или «пустая формальность».

– Они спрашивали насчет твоей оговорки с рестораном «Хьюстон», – сообщила теща, косясь на меня.

– О моей оговорке?

– Будто бы ты сказал им, что вы собирались ужинать в «Хьюстоне». Они проверили: столика ты не заказывал. Складывается впечатление, что полиция заинтересовалась тобой после этого.

Я не заказывал столика и не покупал подарка для Эми. Но если бы я запланировал убийство жены в тот день, то наверняка позвонил бы в ресторан и заранее приготовил подарок. Именно так поступают прагматичные убийцы.

А я прагматичен до одури – друзья могли бы подтвердить это сыщикам.

– Мм... Нет-нет, я не заказывал столика. Наверное, меня неправильно поняли. – Я уселся на диван напротив Мэрибет.

Не хотелось, чтобы Ранд снова притрагивался ко мне.

– Ну ладно-ладно... – покивала она. – А Эми подготовила... Она подготовила для тебя охоту за сокровищами? Ну, прежде чем... – Ее глаза снова покраснели.

– Да, сегодня я получил первый ключ, от копов. Вместе с Джилпином мы нашли второй в моем кабинете в колледже.

– А можно нам взглянуть? – спросила моя идеальная теща.

– У меня его нет с собой, – соврал я.

– Но ты... ты попробуешь разгадать?

– Обязательно, Мэрибет. Я его разгадаю.

– Даже думать не хочется, что вещи, которых она касалась, где-то лежат совсем одни...

Заиграл мой телефон, я отклонил звонок, едва глянув на экран. Мне бы избавиться от этой штуковины, но я пока не мог этого сделать.

– Сейчас нужно отвечать на каждый звонок, – сказала Мэрибет.

– Я знаю этот номер. Фонд выпускников моего колледжа деньги собирает.

Ранд уселся рядом со мной на диван. Старая мебель с изношенными пружинами глубоко просела под нашим весом, придвинув нас друг к другу. Я опять прикоснулся к руке раскрасневшегося тестя. Он из той породы, что, едва увидев тебя, заверяет в самой искренней дружбе, позабыв поинтересоваться наличием ответного чувства.

– Мы не исключаем, – Мэрибет вернулась к деловому разговору, – что Эми мог похитить увлеченный ею человек с психическими нарушениями. – Она глядела на меня, словно ища поддержки. – Нам уже случалось иметь дело с такими субъектами.

Эми любила вспоминать о запавших на нее мужчинах. Не раз пересказывала эти истории за бокалом вина во время нашей совместной жизни. О мужчинах, только о ней и думавших и всегда вожделевших ее. Я подозревал, что всякий раз она сильно преувеличивала. Мужчины всегда получались опасными до известного предела: я успевал встревожиться, но надобности звонить в полицию не возникало. Короче говоря, моя жена вела игру, чтобы я мог почувствовать себя неустранимым героем, который отстаивает честь своей дамы. Но Эми оставалась слишком независимой, слишком современной, чтобы на самом деле допустить нечто подобное. Ей просто хотелось играть в беззащитную деву, которой нужен защитник.

– А недавно?

– Нет, новых случаев не было. – Мэрибет пожевала губами. – Но вот в школе с ней училась одна девочка, очень подозрительная.

– В смысле?

– Она была одержима Эми. Ну ладно, Удивительной Эми. Звали ее Хилари Хэнди. Она отождествляла себя с лучшей подругой Эми из книг, Сьюзи. Вначале, наверное, это была просто игра. А потом девочке захотелось большего – подражать самой Эми. Хилари одевалась, как она, перекрасилась в блондинку, бродила вокруг нашего дома в Нью-Йорке. Однажды, когда я шла по улице, она догнала меня, крепко обхватила руками и сказала: «Я хочу стать вашей дочерью. Я убью Эми и стану вашей дочерью. Вам-то какая разница? У вас все равно останется Эми». Будто наш ребенок – это фрагмент книги, который можно переписать.

– Окончательным предупреждением для нас прозвучало, когда она в школе столкнулась с Эми на лестнице, – добавил Ранд. – Очень подозрительная особа. Подобная мания сама собой не проходит.

– А еще Дези, – вспомнила Мэрибет.

– И Дези, – согласился Ранд.

О Дези знал даже я. Эми училась в Массачусетсе, в школе-интернате под названием «Академия „Уикшир“». Я видел фотографии Эми в юбке для лакросса и в лентах, всегда с красивой природой на заднем плане, как будто школа располагалась за чертой города, а не внутри. Октябрьская природа.

Дези Коллингс учился в школе-интернате для мальчиков, которая находилась рядом с «Уикширом». По рассказам Эми, он был бледной романтической натурой. Его ухаживание разнообразило интернатские будни. Футбольные матчи на свежем воздухе и душные танцевальные залы, сиреневые корсажи и катание на винтажном «ягуаре» – этакое условное Средневековье.

На протяжении года Эми довольно серьезно увлекалась Дези, а потом он стал нервировать ее. Парень вел себя так, будто они уже женаты, прогнозировал число будущих детей и их пол. Хотел, чтобы у него было четыре сына, никак не меньше. Все это весьма подозрительно смахивало на собственное семейство Дези, особенно когда приезжала его мамаша. Встретившись с ней, Эми убедилась в поразительном сходстве между собой и миссис Коллингс. Женщина сдержанно ткнулась губами в ее щеку и прошептала: «Желаю удачи». Эми так и не поняла, пожелание это или угроза.

Когда Эми порвала с Дези, он продолжал бродить по окрестностям «Уикшира» – бесплотный призрак в темном блейзере среди зимних облетевших дубов. Однажды в феврале, вернувшись поздно вечером с танцев, Эми нашла его на своей кровати поверх одеяла – голого, да еще наглотавшегося каких-то таблеток до полусмерти. Вскоре после этого случая его выгнали из школы.

Но Дези названивал ей даже сейчас, несколько раз в год присылал пухлые конверты, которые Эми вначале показывала мне, а потом выбрасывала не раскрывая. Согласно почтовому штемпелю они шли из Сент-Луиса. Сорок минут езды отсюда.

– Это просто досадная случайность, – пояснила Эми.

Родственники со стороны матери Дези жили в Сент-Луисе. Вот и все, что она знала, не заботясь о том, чтобы выяснить больше. Один раз я раскопал мусорное ведро, чтобы прочитать залитое соусом альфредо письмо. Оно показалось совершенно банальным: что-то о теннисе, путешествиях и других развлечениях золотой молодежи. О спаниелях, например. Я попытался представить себе этого субтильного денди, в галстук-бабочке и черепаховых очках, который врывается в наш дом, крушит мебель в гостиной, хватает Эми мягкими наманикюренными пальцами, бросает в старинный автомобиль и увозит в антикварный особняк, скажем, в Вермонте. Нет, разве можно обвинить Дези в похищении?

– А Дези сейчас живет как раз поблизости, – сказал я. – В Сент-Луисе.

– Ну и ну! – встрепенулся Ранд. – А почему копы еще не у него в гостях?

– Кто-то должен его навестить, – ответил я. – Пойду, пожалуй. Встретимся здесь же завтра.

– Очевидно, полиция считает, что надо искать поблизости от дома, – сказала Мэрибет, задержав на мне взгляд на секунду дольше, чем следовало, а потом тряхнула головой, будто отгоняя непрошенные мысли.

Эми Эллиот-Данн
23 августа 2010 года
Страницы дневника

Лето. Птички. Солнышко. Я весь день гуляла туда-сюда по Проспект-парку. Кожа у меня тонкая, кости хрупкие. Борюсь с депресняком. И это еще прогресс, ведь предыдущие три дня я провела дома, не снимая грязной пижамы, с нетерпением дожидаясь пяти часов, чтобы глотнуть спиртного. Пытаюсь вспомнить, что там в Дарфуре стряслось. Взглянуть, так сказать, на мир со стороны. Но что-то мне подсказывает: я лишь эксплуатирую беды дарфурского населения.

Столько всего произошло за последнюю неделю! Думаю, в том, что все навалилось разом, в одночасье, есть какой-то знак, поэтому даю волю чувствам. Месяц назад Ник потерял работу. Официоз твердит, что финансовый кризис пошел на спад, да только, похоже, всем на это плевать. Вот Ник и вылетел. Второй этап сокращений, как он и предсказывал, последовал через несколько недель после первого. «Упс, мы маловато выгнали в прошлый раз». Придурки.

Поначалу мне казалось, что с Ником все в порядке. Он составил длинный перечень дел, в основном всякой мелочовки. Он меняет батарейки в часах и устанавливает точное время, монтирует новый сифон под раковиной, перекрашивает комнаты, цвет которых нам не слишком нравился. В общем, делает много полезного. Самое подходящее время заняться тем, до чего раньше руки не доходили. А потом он замахивается вообще на подвиг. Представьте только: он решает прочесть «Войну и мир»!

От безделья Ник ходит на уроки арабского. Не жалеет времени на попытки спрогнозировать, какие знания и навыки будут востребованы в последующие десятилетия. Эти потуги разбивают мое сердце, но я притворяюсь, будто мне все нипочем.

– Ты уверен, что с тобой все в порядке?

Вначале задаю вопрос серьезно, когда мы пьем кофе лицом к лицу, рука в руке. Потом пробую спросить ненавязчиво, легко, как бы между прочим. Потом – нежно поглаживая его волосы, лежа в постели.

Ответ всегда один и тот же:

– Да, в норме я. Но говорить об этом, вообще-то, не хочется.

Я написала опросник на злобу дня.

Как вы справляетесь с вынужденным перерывом в работе:

а) сижу дома в пижаме и ем мороженое – дурацкие поступки успокаивают;

б) пишу гадости о моем бывшем начальнике на форумах – так я даю выход негативным чувствам;

в) пока не отыщется новая работа, пытаюсь с пользой проводить свободное время, например изучить востребованный язык или прочитать «Войну и мир».

Правильный ответ, конечно же, в). Это мой комплимент в адрес Ника. Но он только криво улыбнулся, прочитав опросник.

Прошло несколько недель, и бурная деятельность утихла, пропало желание что-то делать, как будто однажды утром он проснулся под пыльным ветхим постером: «К чему вся эта гребаная суета?» Взгляд его потух. Теперь Ник смотрит телик, проклятую порнуху он смотрит по ящику. Заказывает много еды с доставкой на дом. Пенополистироловые коробочки уже наполнили мусорное ведро и громоздятся под раковиной. Со мной не разговаривает, как будто

сам процесс беседы доставляет ему физическую боль, а я просто мерзавка, что требую от него общения.

Когда я завожу речь о его увольнении, лишь пожимает плечами. Например, на прошлой неделе.

– Это просто гаплык, – сказал он. – У тебя хотя бы деньги есть, голодная смерть не грозит.

– Это наши общие деньги. Но мне нравилась моя работа.

– Ты не сможешь всегда получать то, что хочешь...⁴ – запевает он. Фальшиво, надтреснутым голосом, при этом приплясывает на заплетающихся ногах. Я вижу, что он пьян.

Дело близится к вечеру, на исходе прекрасный густо-синий день. В доме сыро, сладковато приванивает гнилой китайской едой. Занавески полностью задернуты. Я хожу из комнаты в комнату, открывая окна, чтобы проветрить, отдергиваю шторы, поднимаю облака пыли и, когда попадаю в особенно темную берлогу, спотыкаюсь о сумку, стоящую на полу. Затем цепляюсь еще за одну, и еще, и еще... Дальше я уже шагаю, как кот из мультфильма, которому надо пересечь комнату, заполненную мышеловками. Включив свет, вижу десятки пакетов из магазинов, и вовсе не из таких, куда уверенный в себе мужчина не пожелает заходить. Узнаю эмблемы брендовых мужских бутиков, ателье, где продавцы индивидуально обслуживают покупателей, развалившихся в мягких кожаных креслах. Я имею в виду, все это дерьмо сделано на заказ.

– Что это, Ник?

– Для собеседований. Вдруг где-нибудь начнут набирать персонал.

– А зачем же столько?

– У нас же есть деньги, – мрачно заявляет он и скрещивает руки на груди.

– Может, вещи стоит хотя бы повесить?

Я вижу, что Бликер уже прогрыз несколько полиэтиленовых упаковок. Небольшая кучка кошачьей рвоты висится рядом с костюмом за три тысячи долларов, а сшитая на заказ белая рубашка покрыта ярко-рыжим волосом – это кот еще и повалялся.

– Да ладно... – отвечает он, скаля зубы в усмешке.

Я никогда не была сварливой хозяйкой. Всегда, скорее, гордилась, что не пилю мужа. Но Ник просто вынуждает меня придирааться, это вскипает во мне. Я готова допустить в быту некоторое неряшество – от лени, от беззаботности. Я знаю, что, в отличие от Ника, принадлежу к типу «А», и стараюсь вести себя осторожнее, не навязывать ему мою тягу к порядку и планированию. Ник – не тот парень, чтобы размышлять: пропылесосить пол или вымыть холодильник. Он в самом деле не видит, что накопилась грязь. Совершенно. Но мне по душе определенный уровень комфорта, – полагаю, справедливо требовать, чтобы мусорное ведро не заполнялось с горкой, а на тарелках не сох неделями кетчуп. Это нормальное поведение взрослых людей, живущих вместе. И когда Ник не выполняет элементарных правил, я должна ворчать, хоть меня это и бесит. Ты превращаешь меня в стерву, которой я никогда не была и не хотела стать, вынуждаешь цепляться к бытовым мелочам. А все потому, что не выполняешь простейших правил. Не делай этого. Не советую.

Да знаю я, знаю... Я знаю! Потеря работы переносится невероятно тяжело, особенно мужчинами. Для них это равносильно потере близкого родственника. Тем более для таких, как Ник, которые вкалывали всю жизнь. Потому я сворачиваю гнев в алый упругий шар и мысленно вышвыриваю его в пространство.

– Ладно. Ты не против, если я их повешу? В гардеробе целее будут.

– Отстань!

Когда работу теряют и он и она, хорошего очень мало. Я знаю, нам повезло больше, чем многим другим. Каждый раз, когда нервничаю, я захожу в Интернет и проверяю «стабилизационный фонд». Раньше я никогда не называла так свой банковский счет – первым эти слова

⁴ Из одноименной песни «Роллинг стоунз».

подобрал Ник. Приличная, симпатичная сумма. На данный момент 785 404 доллара. Благодарить за эти сбережения я должна своих родителей. Не те деньги, чтобы податься в домохозяйки навсегда, особенно в Нью-Йорке. Но благодаря родительской заботе я могла чувствовать себя достаточно защищенной и не задумываться о деньгах – в обучении, выборе профессии и так далее. Хотя их и не так много, чтобы возгордиться. Ник посмеивается, но лично мне кажется, что это благородный жест со стороны моих родителей. И плата за незаконное использование моего детства для книг.

Я все еще чувствую себя разбитой из-за увольнения, из-за нашего увольнения, когда звонит папа и спрашивает, не могут ли они с мамой приехать. Они хотят с нами поговорить. Да, сегодня, прямо сейчас, если нас не затруднит. «Конечно, само собой», – отвечаю я, а в голове тревожно крутится: рак, рак, рак...

На пороге стоят родители, с таким видом, будто явились через силу. Отец отлично одет, выбрит и вообще блистает, разве что под глазами мешки. На маме шикарное бордовое платье, которое она надевала раньше на презентации и встречи с читателями, когда еще получала приглашения. Она говорит, что этот цвет придает уверенности в себе.

Родители выглядят отлично, но кажутся немного смущенными. Провожая их к дивану, где все мы сидим молча минуту-другую.

– Дети, кажется, мы с мамой... – заговаривает отец, но останавливается и кашляет. Обхватывает колени руками, показывая крупные бледные костяшки. – Ну ладно... Похоже, у нас проблемы. Финансовые. И очень серьезные.

Не знаю, как реагировать – удивляться, утешать, огорчаться? Обычно родители не посвящали меня в свои неприятности. Да и вряд ли у них было много неприятностей.

– Дело в том, что мы повели себя безответственно, – продолжает Мэрибет. – В последние десять лет тратили деньги с тем же размахом, что и в девяностые. Не зарабатывали и половины от прежнего, но не хотели этого замечать. Поддались излишнему оптимизму, мягко говоря. Каждый раз надеялись, что новая книга об Эми принесет больше денег, чем предыдущая. Но ничего не получалось. А мы продолжали совершать неверные шаги. Неудачно вкладывали деньги. Совершали глупые траты. И теперь...

– Можно сказать, что мы разорены, – закончил за нее Ранд. – Больше не можем выплачивать ипотеку за наш дом... и за этот тоже.

А я-то думала – принимала как должное, – что родители сразу купили дом для нас. Понятия не имела, что он взят в ипотеку. Вот тут я впервые усомнилась в своей расхваленной Ником финансовой защищенности.

– Как я уже сказал, мы допустили ряд серьезных ошибок, – сказала Мэрибет. – Нам бы следовало написать книгу «Удивительная Эми и плавающая ставка ипотечного кредита». Это была бы страшная сказка, книга-предостережение! И чтобы у Эми была бы подружка Венди Хочу-Все-Сейчас.

– И дружок Гарри Голова-в-Песке, – добавил Ранд.

– И что же будет дальше? – спросила я.

– Это наши трудности, – заявил папа.

А мама вынула из сумочки брошюру и раскрыла ее на столе перед нами. Гistogramмы, графики, круговые диаграммы сделаны явно на домашнем компьютере. Умираю от смеха, когда представляю себе родителей за компом, подглядывающих в руководство пользователя, а все для того, чтобы убедить меня.

– Мы хотели спросить, – несмело начала Мэрибет, – нельзя ли одолжить немного денег с твоего расчетного счета, пока мы не определимся, как строить свою дальнейшую жизнь.

Мои родители сидят перед нами, как дети, пришедшие поступать в колледж и возлагающие кучу надежд на первое собеседование. У отца даже колено дергалось, пока мама не придала его пальцем.

– Ну ладно, – ответила я. – Мой «стабилизационный фонд» – это ваши деньги. – Просто хочется, чтобы все закончилось побыстрее. Невыносимо видеть эти полные надежды глаза. – Сколько вам нужно, чтобы расплатиться с долгами и какое-то время чувствовать себя спокойно?

Отец рассматривает свои туфли.

Мама глубоко вдыхает и выдает:

– Шестьсот пятьдесят тысяч.

– Ого! – Все, что мне удастся сказать.

Это практически все наши деньги.

– Эми, может, стоит обсудить... – начинает Ник.

– Нет-нет, – отвечаю я. – Без проблем. Сейчас принесу чековую книжку.

– Вообще-то, ты можешь перевести деньги на наш счет завтра, – говорит Мэрибет. – Или в течение десяти дней.

Именно в этот миг я понимаю, как здорово они влипли.

Ник Данн Два дня спустя

Выжатый досуха, я проснулся на диван-кровати в гостиной люкса Эллиотов. Они настояли, чтобы я заночевал у них, – все равно полицейские еще не пускали меня домой. С той же настойчивостью тесть и теща когда-то пытались расплатиться за нас в ресторане. Гостеприимство бурлило, как неукротимая стихия. «Позволь нам хотя бы это сделать для тебя». Я позволил. И провел ночь, прислушиваясь к их храпу, доносившемуся через закрытую дверь спальни. Один голос равномерный и густой – храп здоровяка-дровосека, а второй прерывистый и неритмичный, будто человеку снилось, что он тонет.

Обычно я мог выключить себя, как электричество. Достаточно приказать – нужно спать – и сложить ладони под щекой, как при молитве. И все. Глубокий сон обеспечен, в то время как моя страдающая бессонницей жена крутится рядом с боку на бок. Но вчера вечером, несмотря на усталость, я чувствовал себя подобно Эми – мозг продолжал работать, хотя тело нуждалось в отдыхе. Большую часть жизни мне было вполне комфортно в собственной коже. Когда мы с Эми сидели на диване и смотрели телевизор, я мог расслабиться, приняв любое положение, как расплавленный воск, а Эми все время ерзала и искала удобную позу. Тогда крутили рекламу на тему этого заболевания, и актеры с мученическими гримасами трясли икрами и растирали бедра. Эми ответила, что у нее синдром беспокойства всего тела.

Я лежал и смотрел в гостиничный потолок, который был вначале серым, потом порозовел, потом начал желтеть, – смотрел, пока не увидел солнце, поднявшееся из-за реки во всей красе. И тогда в моей голове защелкали имена. Хилари Хэнди. Такое красивое имя, что его владелицу трудно заподозрить в совершении преступлений. Дези Коллингс, чокнутый ухажер, который живет всего в часе езды. Я призадумался. В наше время все хотят сами себя лечить, сами себе строить дома, сами себе проводить следствие. Эпоха «сделай сам». Полезай в Интернет и разбирайся сам, потому что кругом все замотанные и везде недокомплект кадров. Я ведь журналюга, как-никак. Больше десяти лет брал интервью, расспрашивал о жите-бытье и вытягивал из людей подноготную. Значит, и нынешнее дело мне по плечу, так я и сказал Ранду и Мэрибет, и они пожелали ни пуха. Большое спасибо за то, что зятек «под тенью подозрения» не лишен кредита доверия. Или все-таки «тень подозрения» – вежливый эвфемизм?

Гостиница «Дэйз» уступила пустующий танцевальный зал под штаб розыска Эми Данн. Довольно неуютное помещение: буроватые потеки на стенах, затхлость. Но едва рассвело, Мэрибет, как заправский Пигмалион, взялась за его усовершенствование. Пропылесосила, вытерла пыль, развесила доски с объявлениями, списки телефонных номеров, закрепила на стене большой портрет Эми. Тот самый, с холодным, уверенным взглядом. Глаза, которые следят за тобой. В общем, обстановка стала похожей на штаб проигрывающего кандидата в президенты, причем заведомого лузера, – воздух прямо-таки вибрирует от упрямого оптимизма фанатичных помощников.

Сразу после десяти утра появилась Бони, не отнимавшая мобильный от уха. Похлопала меня по плечу и затеяла возню с принтером. Начали подтягиваться волонтеры – Го и с ней полдюжины подруг моей мамы. Женщины возрастом за сорок пять, все в брюках капри, как будто пришли на репетицию танцевального шоу. Две из них – стройные, белокурые и загорелые – явно соперничали за лидерство в группе, а остальные вполне довольствовались второстепенными ролями. За ними явилась стайка громогласных седых матрон, пытающихся на ходу обсуждать множество проблем; некоторые набирали эсэмэски. Так кипят нерастраченной энергией и юношеским задором, что невольно заподозришь игру на публику. И всего лишь один мужчина затесался в этот курятник – симпатичный парень приблизительно моего возраста, хорошо одетый; еще бы объяснил, за каким чертом он сюда явился. Я наблюдал за этим

Одиноким Всадником, в то время как он обнюхивал выпечку, бросая косые взгляды на портрет Эми.

Бони закончила возиться с принтером и, схватив маффин, подошла ко мне.

– А ваши ребята проверяют тех, кто записывается в волонтеры? – спросил я. – Что, если кто-нибудь из них...

– Кто-нибудь окажется подозрительно любопытным? Само собой, проверяем. – Она отщипнула кусок маффина и отправила в рот. Заговорила потише: – Но если честно, серийные убийцы смотрят те же телесериалы, что и мы. Они знают, что мы знаем, что они стараются...

– Быть в курсе событий?

– Ага, именно, – кивнула она. – Поэтому сейчас осторожничают. Но мы, конечно, просеиваем всех склонных к извращениям. Надо хотя бы убедиться, что дальше этой склонности дело не зашло.

Я понимающе приподнял бровь.

– Вы знаете, что мы с Джилпином несколько лет назад работали по делу Кайлы Холман? Ну? Кайла Холман?

Я покачал головой – в первый раз слышу.

– Ну, в общем, вы бы поразились, узнав, сколько прилипал появляется в подобных делах. И остерегайтесь тех двух. – Бони указала на хорошеньких сорокалетних женщин. – Такие всегда готовы утешить расстроенного мужа.

– Ой, да ладно вам.

– Удивлены? Вы же видный мужчина. Такие случаи нередки.

Как раз в этот миг одна из женщин, загорелая блондинка, повернулась в нашу сторону и, обнаружив, что на нее смотрят, послала мне ласковую, робкую улыбку, а потом наклонила голову, подобно кошке, которая хочет, чтобы ее погладили.

– Она будет очень стараться, просто воплощенное участие, – подытожила Бони. – Так все и происходит.

– А случай с Кайлой Холман был исключением?

Детектив покачала головой.

Вошли еще четыре женщины, передавая друг другу флакон с кремом от загара и обильно смазывая руки, плечи и нос. В зале со страшной силой запахло кокосом.

– Между прочим, Ник, – сказала вдруг Бони, – помните, я спрашивала, есть ли у Эми друзья в городе? Вы совершенно забыли про Ноэль Хоторн.

Да, она дважды посылала нам СМС.

Я пристально посмотрел на Бони:

– Это та Ноэль, что живет в нашем пригороде? Мать тройни? Нет, они не подруги.

– Да? Забавно. А Ноэль, по всей видимости, считает, что подруги.

– С Эми такое бывает. Стоит ей один раз с кем-то поговорить, и люди начинают мнить себя ее друзьями. Порой даже страшно становится.

– Кажется, о чем-то подобном упоминали ее родители.

Я прикинул, не поговорить ли с детективом о Хилари Хэнди и Дези Коллингсе, а потом решил: ни к чему. Будет лучше, если я сам разберусь с ними. Пусть Ранд и Мэрибет видят во мне героя приключенческого фильма. Слова Мэрибет – «Очевидно, полиция считает, что надо искать поблизости от дома» – и ее долгий взгляд все еще тревожили меня.

– Некоторые думают, что близко ее знают, потому что с детства читали книги о ней, – пояснил я.

– Я заметила, – кивнула Бони. – Люди вообще склонны полагать, что знают других людей. Родители склонны полагать, что знают своих детей. Жены – что знают мужей.

* * *

Через час координационный центр стал здорово смахивать на семейный пикник. Кое-кто из моих старых знакомых подходил поздороваться, знакомил с детьми.

Одна из лучших подруг моей мамы, Вики, заявила сразу с тремя внучками, застенчивыми подростками в розовых платьях.

Внуки. Мама часто о них упоминала как о чем-то само собой разумеющемся. Каждый раз, покупая новую вещь, приговаривала: «Послужит еще моим внукам». Ей очень хотелось дожить, чтобы понянчить их.

У многих ее подруг были любимые внуки. Однажды мы с Эми пригласили маму и Го поужинать, чтобы отметить самую удачную неделю работы нашего «Бара». Когда я заявил, что у нас есть повод для празднования, мама аж подпрыгнула, разрыдалась и обняла Эми, которая, заразившись слезливостью, пробормотала в удушающей маминой хватке: «Он говорит о „Баре“, всего-навсего о „Баре“». А потом мама притворялась, что именно эта новость заставила ее расчувствоваться. «Будет еще время и для малышей», – сказала она таким голосом, что у Эми опять потекли слезы. Я поразился, ведь раньше моя жена заявляла, что не хочет детей. Но в тот миг ее поведение заронило во мне зерно надежды – вдруг она передумала? На самом деле возраст уже поджимал. Когда мы переселились в Карфаген, Эми исполнилось тридцать семь. В октябре этого года ей будет тридцать девять.

И тут вдруг подумалось: наверное, нам придется устраивать имитацию дня рождения или что-то подобное. Следует провести вечеринку для волонтеров, для журналистов. Для того, чтобы привлечь внимание к нашей беде. И я буду притворяться, что все еще живу надеждой.

– Возвращение приبلудного сына, – прогундосил кто-то.

Я обернулся и увидел тощего мужчину в растянутой тенниске, который дергал себя за усы. Мой старый приятель Стакс Бакли. На самом деле он хотел назвать меня блудным сыном, но не смог запомнить слово и уж тем более не понимал его значения. Думал, небось, что это замена слову «мудила».

Стакс Бакли – звучное имя, сошло бы для знаменитого бейсболиста. Пожалуй, у него и был какой-никакой талант или хотя бы желание играть. В детские годы он считался лучшим в городе бейсболистом, но дальше этого не пошло.

Главное потрясение в своей жизни он испытал, когда его выгнали из команды колледжа. После этого судьба Стакса пошла наперекосяк. Сейчас он перебивался случайными заработками и злился на весь мир.

Несколько раз он заглядывал в «Бар» в поисках работы, но от каждого моего предложения отказывался, качая головой и по привычке жуя щеку. «Слышь, чувак, зайду попозже, перетрем. Вдруг у тебя найдется что-нибудь посерьезнее».

– Стакс! – воскликнул я вместо приветствия, желая для начала выяснить, в каком расположении духа он пребывает.

– Чувак, я слышал, полиция тут ни хрена мышей не ловит, – ответил он, пряча кисти рук под мышками.

– По-моему, рано делать выводы.

– Слышь, чувак, к чему все эти дурацкие поиски придурка-извращенца? Когда пропала собачка мэра, они и то больше старались.

Его лицо покраснелось, от него так и веяло жаром. Подступив, он обдал меня крепким духом ополаскивателя для рта «Листерин» и жевательной резинки.

– Почему бы им не взять кой-кого за задницу? В городе хватает подозрительных засранцев, и ни один из них еще не арестован. Как насчет ребят из «Синей тетрадки»? Вот о чем бы я спросил детектившу: как насчет ребят из «Синей тетрадки»? Только она вряд ли ответит.

– Что за ребята из «Синей тетрадки»? Банда?

– Их зимой уволили из «Синей тетрадки». У них теперь ни гроша за душой. Видел парней, которые бродят кучками вокруг города, – такие страшные, что обделаться можно? Так это наверняка ребята из «Синей тетрадки».

– Что-то я не понял тебя. Что за «Синяя тетрадка»?

– Ну, типография «Речная долина»? Ну, на окраине города, не помнишь, что ли? Там делали синие тетрадки, студентами мы в них писали задания и прочую хренотень.

– Да?.. Я не знал.

– Сейчас в колледже вместо тетрадок компьютеры. Потому – бах! И пока-пока, ребята из «Синей тетрадки».

– Вот черт! Весь город закрывается...

– Теперь ребята из «Синей тетрадки» только бухают, курят дурь и пугают людей. Раньше хоть по выходным этим занимались, а в понедельник шли на работу. А теперь вообще беспредел.

Стакс оскалил в улыбке редкие зубы. В его волосах я заметил крапины засохшей краски. С тех пор как окончил школу, он подрабатывал летом на покраске домов. «Я привык к художественной работе», – говорил он и ждал, что собеседник рассмеется. Если же человек не понимал шутки, ему приходилось выслушивать неторопливое доходчивое объяснение.

– А копы хоть прочесали «Риверуэй молл»? – спросил он.

Я недоуменно пожал плечами.

– Тьфу ты! Чувак, какой же из тебя репортер? – Стакс всегда уничижительно отзывался о моей прежней работе, как будто видел в ней надолго затянувшееся притворство. – Ребята из «Синей тетрадки» устроили себе в молле логово. Сидят там, наркотой приторговывают. Полиция иногда разгоняет, но они всегда возвращаются на следующий день. Вот это я бы и сказал дамочке-детективу. Разгребите дерьмо в «Риверуэе». Месяц назад там бабу на хор поставили. Это я намекаю, что толпа обозленных жлобов для женщины не подарок.

* * *

Перед тем как отправиться к участку, отведенному для послеобеденных поисков, я набрал номер Бони и заговорил, едва она ответила.

– Почему не прочесан «Риверуэй молл»?

– Ник, «Риверуэй» будет проверен обязательно. Туда как раз направляется патруль.

– Хорошо... А то мой приятель...

– Стакс? Да, я его знаю.

– Он рассказал о...

– Ребятах из «Синей тетрадки»? Есть такие. Положитесь на нас, Ник, мы проверяем все. Мы хотим найти Эми не меньше, чем вы.

– Хорошо. Спасибо.

Покачав права, я выхлебал гигантскую пластмассовую чашку кофе и выдвинулся в район поисков. Сегодня предполагалось осмотреть три места: лодочную пристань Гали (ныне известная как место, где Ник, никем не замеченный, провел все утро), лес у речки Миллер-Крик (лес – слишком громко сказано, поскольку сквозь деревья прекрасно просматривались забегаловки быстрого питания) и Уоки-парк (уголок дикой природы, где организовывались пешие и конные туристские маршруты). Мне достался парк.

Когда я прибыл, местный служитель инструктировал группу из двенадцати человек – все в плотных шортах, солнцезащитных очках и с цинковой мазью от прыщей на носу. Обстановка напоминала день открытия летнего лагеря.

Две группы телерепортеров трудились, чтобы запечатлеть окружающую природу, здания и людей. Был уже уик-энд, да непростой, а Четвертого июля. Сюжет об Эми наверняка воткнут между репортажем с ярмарки штата и конкурсом барбекю. Один молокосос крутился около меня, как назойливый mosquito, донимая бесцельными вопросами. В фокусе общественного внимания я моментально оцепенел, выражение озабоченности на лице выглядело фальшивее не бывает. В воздухе плыли миазмы конского навоза.

Вскоре телевизионщики вместе с волонтерами ушли по тропинкам в лес. Разве нормальный журналист счел бы подозреваемого мужа неинтересным и оставил бы его? Теперь места нормальных журналистов занимают недоучки без чутья, готовые трудиться за жалкие гроши.

Молодой коп в форме показал, где я должен стоять. Прямо здесь, где начинаются все тропинки, у щита, заклеенного старыми рекламными объявлениями, среди которых виднелся новый лист – с фотографией Эми. Моя жена пристально смотрела на меня. Сегодня она преследовала меня везде.

– Что я должен делать? – спросил я у офицера. – Чувствую себя как последний осел.

Где-то в лесу жалобно заржала лошадь.

– Ник, вы нам нужны именно здесь. Просто будьте дружелюбным, подбадривайте людей. – Он указал на яркий оранжевый термос. – Предлагайте воду. Если я кому-нибудь понадоблюсь, подскажите, куда идти.

Полицейский повернулся и направился в сторону конюшни. Возникла тревожная мысль, что меня намеренно удерживают как можно дальше от возможного места преступления. Но зачем, я мог только догадываться.

Вот так я и торчал без всякой пользы, притворяясь, будто руковожу эксплуатацией кулера, когда подъехал припозднившийся внедорожник, красный и блестящий, как лак для ногтей. Из него вышла та самая сорокалетняя дамочка, которую я видел в штабе. Симпатичная блондинка приподняла длинные волосы, чтобы подруга обрызгала ей шею репеллентом. Женщина демонстративно развеяла химический туман, зыркнула на меня, потом отделилась от стайки товарок и, распустив волосы по плечам, пошла ко мне с грустной, сочувственной улыбкой – улыбкой под названием «Мне так жаль». Огромные, как у лошади, карие глаза, розовая футболка, едва доходящая до пояса накрахмаленных белых шорт, босоножки на высоком каблучке, тщательно завитые волосы, золотистые серьги кольцами. Для поисков в лесу так не одеваются, подумалось мне.

«Только не вздумай заговорить со мной, дамочка».

– Привет, Ник! Я Шона Келли. Мне так жаль...

Ее голос казался мне излишне громким, как у очумевшего от жары осла. Она протянула руку, и я почувствовал укол тревоги – все ее подруги уже уходили по тропинке, бросая многозначительные взгляды на нас.

Я предложил все, чем располагал: благодарность, воду, собственную нелюдимость и неловкость. Но Шона не собиралась уходить, хотя и неотрывно смотрела на тропу, где скрылись ее спутницы.

– Я надеюсь, Ник, у вас есть друзья и родственники, которые смогут вас поддержать в это нелегкое время, – сказала она, прихлопнув слепня. – Мужчины забывают за собой ухаживать. Нормальное питание – вот что вам нужно.

– Да мы в основном колбасной нарезкой питаемся, – ответил я. – Так быстрее и проще.

Вкус салями все еще держался на языке. Только теперь я понял, что утром не почистил зубы.

– Ах, бедняжка... Колбасная нарезка! Нет, так дело не пойдет. – Она покачала головой, солнечные лучи заиграли на золоте серег. – Мужчине нужно поддерживать силы. Но вам повезло, я неплохо готовлю фрито с цыпленком. А знаете что? Привезу его завтра в штаб, где

собираются волонтеры. Можно разогреть в микроволновке, и у вас будет нормальный горячий обед.

– О, вы уделяете мне слишком много внимания. У меня все хорошо. Правда, все хорошо.

– А если попышаете как следует, станет еще лучше, – возразила она, хлопывая меня по руке.

Я промолчал, и она попробовала зайти с другой стороны:

– Очень надеюсь, что случившееся не имеет никакого отношения к нашей общей проблеме... Я имею в виду бродяг. Знаете, я подаю жалобу за жалобой. Один из них в прошлом месяце воровал помидоры у меня в огороде. Сработала сигнализация, я выглянула из дому, а он стоит на коленях прямо на грядке и помидоры трескает. Грызет их, как яблоки. Все лицо, вся рубашка в соке и семенах. Гоню, а он ни в какую! Еще штук двадцать сожрал, прежде чем убежать. Эти ребята из «Синей тетрадки» ничего же больше не умеют.

Внезапно я ощутил сродство душ с ребятами из «Синей тетрадки», представив, как иду к лагерю, разбитому бродягами, и размахиваю белым флагом. «Я ваш брат, тоже работал в печатной индустрии. Проклятые компьютеры и меня лишили хлеба насущного!»

– Только не говорите, Ник, что вы слишком молоды и не слышали о «Синей тетрадке». – Шона толкнула меня локтем, отчего я неприлично дернулся.

– Нет, я просто слишком старый, вот и забыл о «Синей тетрадке». Спасибо, что напомнили.

– А сколько вам? – рассмеялась она. – Тридцать один? Тридцать два?

– Почти тридцать пять.

– Совсем малыш.

Подъехала троица энергичных старушек, одетых в кеды, холщовые юбки и поло, обнажившие дряблые плечи. Тетки спешили и направились к нам. Одна говорила по мобильному. Мне они кивнули вполне благожелательно, а вот на Шону покосились без всякого одобрения. Наверное, мы напоминали парочку, устроившую барбекю у себя во дворе. Не соответствовали важности событий.

«Уйди же, Шона», – мысленно попросил я.

– Бродяги могут вести себя агрессивно и представлять опасность для женщин, – заявила Шона. – Я говорила об этом детективу Бони, но, кажется, я ей не нравлюсь.

– Зачем вы мне это рассказываете?

Я уже знал, что услышу. Монолог любой смазливой дамочки.

– Я вообще не очень нравлюсь женщинам, – пожала плечами она. – Скажите, у Эми было много друзей в городе?

Кое-кто – подруги моей мамы, друзья Го – приглашали Эми то в книжный клуб, то на заседание общества «Американский путь», то на вечерний девичник в «Чилиз гриль-бар». От каких-то предложений моя жена отказывалась сразу, некоторые принимала, но возвращалась полная негодования: «Мы заказали уйму жареного, а запивать пришлось молочными коктейлями».

Шона жадно смотрела на меня, ей хотелось побольше выведать про Эми, хотелось причастности к судьбе моей жены, которая ее вмиг возненавидела бы.

– Думаю, у нее были те же проблемы, что и у вас, – ответил я сдавленным голосом.

Она улыбнулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.